

КИМ ЮЗАНОВ

*СТРАНИЦЫ
ЛЕТ
ЛИСТАЯ*

**ИЗРАИЛЬ
2007**

Литературный редактор Борис Брусиловский

Составитель Семён Габай

Обложка Алёны Ягудаевой

Ким Юзанов.

СТРАНИЦЫ ЛЕТ ЛИСТАЯ.

Книга воспоминаний

© К. Юзанов. 2007

© Все права принадлежат автору

ИЗРАИЛЬ
2007

«По многочисленным пожеланиям читателей» в 6.40 (заметьте, не в 7.40) утра я приступил к написанию дополнений к моей ранее изданной книжке «Остался верен музе я...». Повторюсь: я пишу о том, что вспоминаю.

Конечно, можно было бы, использовав предыдущую книжку, издать её заново с дополнениями, но я решил иначе: пусть это будет новая книжка, не такая многостраничная, как прежняя. Пусть! Но зато новая.

Сажу на «мэмпэсэте» (балконе), слева от меня серо-белый ужасно симпатичный котик дремлет в своей «спаленке», изредка поглядывая за движением ручки, которой я пишу эти строки. Кота Кузю (так мы его назвали) совсем маленьким мы купили недавно. До Кузи у нас была замечательная кошка Маса, которую мы привезли ещё из Одессы. Прожила у нас она 14 лет, до самой своей старости.

Об умственных способностях Масы можно судить хотя бы по эпизоду, связанному со мной. Однажды вечером жена пришла с работы очень уставшая. Поужинала и пошла отдыхать в спальню. А мы с Масей вдвоём остались в салоне смотреть телевизор.

Вдруг я почувствовал резкую за грудиною боль. Стало трудно дышать. Я хотел позвать жену на помощь - не смог, не было сил. И тут кошка посмотрела на меня своими умными глазами и помчалась в спальню. Жена мне потом рассказала, что Маса стала стягивать с неё одеяло, как-то странно при этом мурлыкала и показывала взглядом на салон, где я тихо стонал...

Врачи в больнице поставили диагноз: инфаркт миокарда. А спустя несколько месяцев после выхода из больницы у меня дома случился сердечный приступ. В квартире никого не было. Маса, услышав стоны,

прыгнула мне на грудь. Глаза в глаза... И так она лежала до тех пор, пока приступ не прошёл.

Похоронили нашу кошку в одном из парков, недалеко от нашего города. Каждый год мы навещаем её могилку...

Ну вот - теперь можно приступить к написанию своих воспоминаний. Начнём, пожалуй!

Д О В О Е Н Н О Е В Р Е М Я

Как я уже писал в предыдущей книжке, жили мы в самом центре Молдаванки, по улице Госпитальной, в доме 26. Дом включал в себя огромный одесский двор с двумя смотрящими друг на друга флигелями, один из которых был двухэтажным, другой - трёхэтажным.

Напротив нашего трёхэтажного флигеля жила воровская, или, по словам соседей, «генэйвише» семья. В семье было двое детей: дочка Бася и сын Ёся.

Ёселе, так его все называли, кроме пристрастия к воровству, обожал чтение книг. К нам в дом он забегал за книгами. Однажды, после очередного посещения Ёськи, мама обнаружила пропажу часов, лежавших на серванте. На кого могло пасть подозрение? Вопросов не было. Мама послала меня за Ёськой. Ёська, не проявив никакого волнения, тут же сказал: «Тётя Рива! Да, мы - воровская семья. Да, о нас дурная молва. Но мы никогда не позволим себе «братъ» у евреев, тем более у таких уважаемых».

Позже оказалось, что папа, уходя на работу, взял с собой часы, которые отставали, чтобы отдать их в починку.

Вы себе, дорогой читатель не представляете: раз в жизни я, напившись вина, был пьян до бессознательности. Рассказать? Ну так вот.

Я уже писал, что в нашем доме были два флигеля. Против нашего флигеля находился цех, в котором варили повидло. Хозяевами цеха были пожилые евреи. Был у них единственный сын по прозвищу «Хаим дэр мишугинэр» (Хаим-помешанный). Это был немолодой тихий, спокойный, никогда никому не мешавший мужчина. Как-то утром, когда я выходил из своего дома, он спросил у меня:

- Хочешь отведать вкусное повидло?

- Ещё бы!

Мы спустились в цех.

- Только давай так, - сказал Хаим. - Ты выпьешь стакан вина, а я тебе за это дам мисочку повидла. Идёт?

- Конечно, идёт.

Я почти залпом выпил стакан вина и получил в награду мисочку повидла. Но, что для меня была та маленькая мисочка с таким «вкуснячком»!

- Что, ещё хочешь? Вкусно?

Как я мог отказаться! После второго стакана и мисочки с повидлом (а мне тогда было 9 лет) всё вокруг поехало. Еле добравшись до дому, я предстал перед очами мамы. Мама сразу всё поняла:

- Ты был у придурка Хаима? Он давал тебе что-то выпить?

Оказывается, я у Хаима был не первый. Он таким образом угощал всех ребят нашего двора. Но, если другие родители спокойно реагировали на проделки Хаима, то моя мама поступила иначе. Она взяла камень и бросила его в окно, где жили родители Хаима. Стёкла - вдребезги!..

Что было потом - не помню. Помню, что и мне тоже досталось. Поделом!

У моего отца были три сестры и брат, погибший на войне. Старшая сестра, наша тётя Маня, была женщиной удивительной доброты, готовая помочь каждому, даже незнакомому человеку. Живя в относительной бедности, она делилась с людьми всем, чем могла. У тёти Мани была феноменальная память на даты, фамилии, события.

Был у неё единственный сын - Фридрих, которого все звали «Фида». Хочу рассказать о нём более подробно. В детстве мы с ним встречались редко. Он жил в центре города, а я на Молдаванке. Я чаще общался с двоюродными братьями по маминой линии - они все жили на Госпитальной.

В детстве я часто болел. Однажды меня пришёл проведать Фида. Поговорили о том, о сём. Я немного устал. Видя это, Фида подошёл к книжной полке, взял книгу (помню, это были «Мёртвые души» Гоголя) и начал читать. Я, лёжа в постели, вздремнул. Открыв глаза, смотрю: он не читает, а медленно перелистывает страницы одну за другой.

- Фида, тебе интересно перелистывать страницы? Ты ведь не читаешь.

- Я читаю. Хочешь проверить, читаю ли я? Давай! -сказал он, передавая мне книжку, - Назови страницу и первые два слова в начале страницы!

Я так и сделал. К моему огромному удивлению и восхищению, Фида на память стал повторять слово в слово содержание этой страницы. Спустя много лет я узнал, что людей, подобных Фиде, называют людьми с феноменальной фотографической памятью.

Это Фида первым затащил меня в театр оперы и балета на оперу «Пиковая дама» П. Чайковского,

которая потрясла меня так, что я несколько дней не мог придти в себя. Это он, провожая меня домой после очередного оперного спектакля, шёл по улице и, почти слово в слово, напевал эпизоды из услышанной оперы. Это он положил начало наших почти ежедневных посещений театра. В театральной кассе уже знали, что два билета в первом ряду галёрки, слева от сцены, предназначались для Кима и Фиди. А через некоторое время билетёрши пропускали нас в театр даже без билетов.

Боже, сколько опер мы прослушали, сколько балетов пересмотрели! «Иван Сусанин» М. Глинки мы слушали десять раз. Рекорд побил опера Д. Верди «Травиата», где в главной роли партию Виолетты исполняла блистательная Бем (имени не помню). Была у Бем дублёрша. Однако зрительный зал был переполнен именно тогда, когда пела Бем.

Что касается балета - скажу прямо: музыка меня очаровывала, а танцы - раздражали. Мне были непонятны женственные па мужчин, мимические движения, одинаково перенесенные из одного спектакля в другой. Я предпочитал слушать музыку с закрытыми глазами, или смотрел на дирижёра, следя за его движениями, часто представляя себя на его месте.

Театр с Фидей мы посещали до самой войны. Во время войны Фидя с матерью эвакуировались на север страны. Там он простудился и после продолжительной болезни скончался. Не забуду его никогда. Вечная ему память!

Ещё несколько воспоминаний, относящихся к довоенному периоду.

Рядом с нашим домом, на Госпитальной, размещался завод по изготовлению медицинского оборудования. Окна столовой завода выходили на улицу. По вечерам

из одного окна доносились аппетитные запахи свежих пирожков с горохом.

Напротив окна, в конце тротуара, стоял массивный столб, под которым размещались с четырёх сторон небольшие сидения. На этих сидениях мы, ребята нашего двора, любили проводить вечера. Я брал с собой гитару, играл и пел для ребят, иногда посматривая в сторону открытых окон столовой. А оттуда так вкусно пахло, и так хотелось отведать горяченьких хрустящих пирожков!

И вот однажды из окна высунулась женская головка:

- Мальчик, а вот эту песню ты можешь сыграть?

Я подошёл с гитарой к окну и начал играть песню.

Неожиданно я услышал, что девчата в столовой запели. А затем песню подхватили проходившие мимо люди. Это было настоящее чудо. Люди вместе с поварами пели. Награда не заставила себя ждать. Нас угостили горячими хрустящими пирожками.

С тех пор мы почти каждый вечер приходили на заветное место. Каждый раз я брал с собой гитару. Иногда, прикладывая нож с толстой ручкой к струнам, я имитировал игру на гавайской гитаре... До сих пор я ощущаю неповторимый вкус горячих пирожков с горохом.

К О К А Н Д

События, связанные с минувшей страшной войной, нашли отражение в первой книжке «Остался верен музе я...». Однако, листая её страницы, я понял, что некоторые подробности, сохранившиеся в памяти, я упустил. Хочу дополнить, насколько это мне удастся. Не судите меня строго...

Дороги эвакуации привели меня в узбекский город Коканд. Город сам по себе небольшой, чистенький, ухоженный. Из достопримечательностей можно выделить великолепный парк - любимое место гуляний жителей, кинотеатр, большой Дом Красной Армии и, конечно, рынок.

Мне иногда приходилось бывать на этом рынке. Мама там торговала старыми вещами. Я любил слушать, как торгуются узбеки при покупке той или иной вещи. Они десятки раз пожимали друг другу руки, приговаривая «хоп-хоп» (по рукам!), снижая порой стоимость вещи наполовину.

За городом располагался большой нефтеперерабатывающий завод, куда я по окончании школы фабрично-заводского обучения был направлен на работу как токарь четвёртого разряда. Вместе со мной на тот же завод был направлен мой двоюродный брат Гриша.

Порой приходилось работать в ночную смену. Ходить на работу было небезопасно. В Коканде орудовала банда, грабившая и убивавшая прохожих. По настоянию наших мам, вечно беспокоившихся за наше благополучие, мы выходили на работу загодя, до наступления темноты. В зимнюю пору мы приходили в цех за 3-4 часа до начала смены. Предстояла бессонная трудовая ночь. Поэтому до начала смены мы отсыпались на широких подоконниках цеховых окон. Последствия такого сна на подоконниках самым печальным образом отразились на здоровье Гриши. Он заболел туберкулёзом. Долго мучился. И умер в Одессе в 1944 году. Пусть ему земля будет пухом!

Хочу вспомнить ещё один эпизод.

В Коканде мы жили в квартире, в которой жилплощадь снимали одновременно три семьи.

Многочисленная семья дяди Пети (брата моей мамы) жила в большой комнате. А мама, я, сестра мамы тётя Катя и её сын Гриша ютились на широких нарах в маленькой проходной комнатке. Семья дяди Пети по тем временам питалась довольно сносно, а мы ели в основном одну свёклу.

В тот зимний вечер в большой комнате ужинали, громко чавкая при пережёвывании пищи. Мне стало не по себе. Я с шумом закрыл дверь большой комнаты, откуда доносились раздражающие звуки.

Не успел я сесть на нары, как в проёме двери возникла фигура тестя дяди Пети, деда по фамилии Медведь (а самого дяди в это время дома не было):

- Послушайте! Я понимаю, что у вас текут слюнки. Мы не можем кормить три семьи. Добывайте себе еду сами! Пусть молодые люди (он имел в виду меня и Гришу) заботятся о вашем пропитании!

Я встал, оделся и вышел из дому, прихватив с собою пустые кастрюльки. Я знал, куда мне следует идти: в столовую школы фабрично-заводского обучения. Официантки меня хорошо знали и были благосклонны ко мне. Быть может, потому, что я, будучи учеником школы, часто шутил с ними, используя набор одесских хохм.

Мне не надо было долго объяснять девочкам ситуацию, сложившуюся в доме. Они тут же завалили меня продуктами питания и даже большим куском хлеба, который по тем временам являлся большим дефицитом.

Возвратившись домой, я направился в комнату, где жили мои родственники, и выложил содержимое кастрюлек. Возникла немая сцена. Я сказал громко, так, чтобы слышала мама и все остальные:

- Садитесь за стол! Еду я принёс всем. Приятного аппетита!

Этот эпизод оказал существенное влияние на взаимоотношения между сытыми и голодными. Нам, обитателям нар, уже иногда кое-что перепадало с барского стола... Такое разве можно забыть?

Х А Р Ь К О В, Р О Г А Н Ь.

В первой книжке я уже писал, что во время войны меня мобилизовали в Харьковское военное авиационное училище связи (ХВАУС), которое базировалось в Коканде. Потом, когда советские войска освободили Харьков, наша военная часть переехала в этот город.

Написав эти строки, я вспомнил, что спустя неделю после освобождения Харькова, наш эстрадный оркестр, в котором я играл на банджо, выступал в парке Коканда с только что написанной песней «Харьков мой». Музыка к ней написал я вместе с поэтом Л. Вигдоровичем. А исполнял её руководитель нашего оркестра Абрам Гутман. Помню, как во время исполнения песни харьковчане, да и не только они, утирали слёзы, когда звучали слова песни:

Харьков мой - любимый город,
Харьков мой - как ты мне дорог.
Каждый камень мостовой,
Каждый домик небольшой,
Харьков мой - ты вновь живой!

Уже находясь в Харькове, я оскандалился. Зимней ночью, охраняя спецмашины, я уснул на посту. Патруль, обходя посты, изъял мою винтовку. Меня строго наказали и перевели в 19-й запасной

истребительный авиаполк, находящийся на станции Рогань. Это была воинская часть, занимавшаяся ремонтом «раненых» самолётов. После ремонта и тщательной проверки самолёты вновь вводили в боевые действия. Проверяли отремонтированные самолёты сами хозяева - боевые лётчики.

В числе ожидавших ремонта своих самолётов были два старших лейтенанта, два Героя Советского Союза, два неразлучных друга - Виталий и Валерий. Оба неплохо играли на аккордеоне, который привезли с собой. А как они пели! Иногда дуэтом, иногда каждый в отдельности. Пели они замечательно. Офицеры, которые так же, как и они, дожидались своих самолётов, по вечерам подолгу заслушивались проникновенным пением, часто подпевая исполнителям.

Жили офицеры в большой, просторной казарме. Я там был довольно частым гостем. По званию я был рядовым, но по должности числился заместителем начальника дома культуры, его художественным руководителем. А потому я был зачислен на питание в офицерскую столовую. Кроме всего прочего, я пел и играл на аккордеоне. Неудивительно, что у меня были хорошие контакты с ребятами-офицерами. По моей просьбе неразлучные Виталий и Валерий выступили с самостоятельным концертом в доме культуры.

Наступил день, когда самолёт Валерия вышел из ремонта. Его необходимо было испытать в полёте. Я был в казарме, когда командир эскадрильи полка отдал приказ об испытании самолёта.

- Вылет через час! - приказал командир.

- Слушаюсь! - сказал Валерий - Мне только необходимо взять кое-что в каптёрке.

Каптёрка, в которой хранилось бельё, вещи и прочее имущество, была заперта.

- Где старшина? - спросил Валерий.

- Уехал по делам на целый день, - услышал он ответ.

Как-то мгновенно лётчик сник и обратился к командиру:

- Комэска, в каптёрке лежит одна вещь, без которой в полёт я отправиться не могу.

- Товарищ старший лейтенант, я приказываю немедленно приступить к выполнению испытаний самолёта!

Оглядев присутствовавших каким-то отрешённым взглядом и, попрощавшись со своим другом Виталием, Вале-рий вышел из казармы.

Лётчики очень верят в приметы, они суеверны. С собою в полёт они берут разные безделушки, которые призваны выполнять важную роль талисмана.

Не знаю, то ли отсутствие талисмана, то ли психологическое состояние Валерия, то ли ещё что-нибудь... Но из испытательного полёта он не вернулся. Самолёт взмыл вверх и тут же камнем вниз - разбился. Не стало замечательного парня...

Похоронили старшего лейтенанта на территории полка со всеми надлежащими почестями.

Через пару дней самолёт Виталия был отремонтирован и также готов к испытанию. Полёт был назначен на следующий день. А накануне вечером меня позвали в офицерскую казарму. В казарме я застал такую картину: в центре стоял большой стол. На нём – два раскрытых чемодана и футляр с аккордеоном. Вокруг стола стояли и сидели офицеры. Виталий оглядел всех присутствующих и сказал:

- Теперь все в сборе - я могу начинать. Ребята, мне вчера приснился сон: Валера зовёт меня к себе. Поэтому перед полётом я хочу раздать свои и Валеркины вещи. А после - выпьем (он достал бутылку коньяка) за упокой наших душ и разойдёмся.

Никакие уговоры, никакие отговоры на Виталия не действовали. Он был непреклонен.

- Тебе - часы, тебе - портсигар, тебе - сапоги, - говорил Виталий, раздавая вещи. - А тебе, Кимушка, футляр с аккордеоном. Ты его заслужил, уж очень ты любишь музыку! Помни о нас - не забывай!

Наутро Виталий полетел испытывать свой самолёт и... разбился.

В Рогани, что под Харьковом, на краю аэродрома стоят два небольших обелиска: «Тут похоронены Герои Советского Союза Валерий и Виталий (фамилий я не помню)». Никогда этих ребят не забуду. А аккордеон я перед демобилизацией оставил Дому культуры, чтобы память о его хозяевах сохранилась в том месте, где они на нём играли.

Мне вспоминается ещё один эпизод, который связан со службой в Рогани.

Наш небольшой оркестр часто выступал не только в нашем клубе, но и в других клубах Харьковского военного округа. Выступали мы также в клубах ближайших посёлков. Деньги за концерты мы не брали, но от самогоночки и закуски не отказывались.

Помню, давали мы концерт в одном из сёл... Директором клуба был симпатичный парень-морячок. Из-под его рубашки виднелась тельняшка. После концерта парень пригласил нас к себе домой - отужинать, чем Бог послал. На столе стояла самогонка и непривычные для нашего солдатского рациона угощения. После застолья хозяин обратился ко мне:

- Спой что-нибудь на морскую тему!

Я взял в руки аккордеон и запел:

О чём ты тоскуешь, товарищ моряк?
Гармонь твоя стонет и плачет...

Я продолжал петь:

Её повели на позор и на стыд,
Связали ей белые руки...

И тут произошло невероятное: парень упал на пол в истерике, катаясь из стороны в сторону.

- Эта песня о моей невесте, - рыдал он.

Да, великий композитор-песенник В. Соловьёв-Седой своей удивительной задушевной музыкой мог проникать в душу каждого человека, многих десятков, сотен, тысяч и даже миллионов людей.

Заканчивая эту главу, я вспомнил удивительную историю, связанную с другой песней. Эту историю рассказал мне народный артист СССР Юрий Богатиков.

Группа украинских артистов, участником которой был и Богатиков, приехала на гастроли в Канаду. В зале, где состоялся концерт, был аншлаг. Один номер сменял другой под горячие аплодисменты публики.

Конферансье объявил на украинском языке:

- Композитор Платон Майборода - «Рушник». Спивает народный артист Радянського Союзу Дмитро Гнатюк...

На сцене появился высокий, стройный красивый мужчина. Его пение сопровождал ансамбль скрипачей.

Ридна мати моя,
Ти ночей недоспала...

Гнатюк пел эту лирическую, задушевную песню мягким, бархатным голосом, тонко владея нюансами мелодии. И вот он дошёл до слов:

И на тім рушникові
Оживе все знайоме до болю:
И дитинство, й розлука,
И вірна любов.

Публика, не стесняясь, рыдала. Рыдала, как говорят на Украине, «в голос». Гнатюк закончил песню. В зале воцарилась тишина, а затем, под овацию, народ не просил, а требовал повторения этой песни. И Гнатюк снова её запел... В зале стоял стон, на сцене скрипачи вместе с Гнатюком плакали, за кулисами артисты, ждавшие своего выступления, тоже плакали. Концерт дальше продолжаться не мог...

Наутро в номере гостиницы, где остановился Гнатюк, появилась группа мужчин, одетых в рубашки с украинскими узорами.

- Нас, украинцев, в Канаде очень много. Мы давно покинули нашу Родину. Но ваша прекрасная песня возбудила в нас непередаваемое чувство ностальгии. Мы очень просим вас поехать с нами в студию звукозаписи. Назовите цену! Мы тут же вам заплатим.

- Спасибо за приглашение. Денег мне не надо. Для меня большая честь записать эту песню для вас, моих земляков.

Гнатюк выполнил просьбу канадских украинцев. Песня была записана...

Спустя несколько месяцев я, находясь в одесском порту, видел, как с теплохода «Армения» по трапу спускались на украинскую землю сотни канадских украинцев, вернувшихся на Родину.

Вот что сделала скромная лирическая песня. Воистину искусство имеет огромную силу...

РЫБАЦКИЕ ИСТОРИИ

Теперь несколько слов об увлечениях, не имеющих отношения к музыке. События происходили в послевоенные годы.

Да будет вам известно, дорогой читатель, что я был заядлым рыболовом-любителем, умел долго находиться под водой, умел соскабливать мидии со скал. Каждое лето, будучи ещё студентом консерватории, я подрабатывал в качестве культуротрабника в доме отдыха работников химической промышленности, расположенном в районе 16 станции Большого Фонтана. В летнее время он был переполнен отдыхающими, скорее всего потому, что был расположен в 150 метрах от моря. На время моей работы мне предоставляли комнату, в которой я жил с отцом и матерью.

Как массовик-затейник, я проводил вечера знакомств, массовых игр, бальных и народных танцев, загадок и викторин, организовывал экскурсии по городским музеям и театрам. Ко мне относились с уважением, потому что я никогда перед отдыхающими не «выпендривался», а был с ними на равных, был прост в общении с ними. На мои мероприятия приходили и «фонтанские ребята», и молодые рыбаки из соседнего рыбколхоза.

Среди постоянных посетителей особенно выделялся здоровенный рыбак с вечным загаром по кличке Коля-Тарзан. Красавец Тарзан сразу же обращал на себя внимание, взоры отдыхающих девушек были обращены только в его сторону. Он мигом выбирал для себя партнёршу, подходил ко мне и говорил:

- Ну-ка, оцени «кадрицу»! На твой вкус тоже? А ну-ка, «сбадай» «Цыганочку»!

Как он лихо плясал! Все присутствовавшие диву давались его темпераменту, богатырскому телосложению, грациозным движениям.

Ко мне он питал большое уважение как к хорошему аккордеонисту, массовику и просто человеку. А потому часто приглашал на рыбалку. На рыбацком сейнере он был бригадиром. Запомнились мне выходные дни, когда на обычной рыбацкой лодке мы «стреляли лобана». Так называлась рыбная ловля кефали.

При тихой погоде, когда на море полный штиль, кефаль («лобан») шла косяками, грелась на солнце, выставляя свои лобики над поверхностью моря. Мы на лодке выезжали ранним утром: я - на вёслах, а Коля с ружьём, заряженным шрапнелью, - на носу.

По команде Коли я тихо-тихо подгробал к косяку. Раздавался выстрел. Тарзан бросал в лодку ружьё и мигом нырял в воду. Появлялся он на поверхности с тремя-пятью кефальями. И так раз за разом. Выходили мы на берег с богатым уловом.

А через некоторое время пойманные кефали лежали на сковородке. В такие дни нас ожидал завтрак с огурчиками, помидорами, луком с ближайших грядок. Ну и, конечно же, не обходилось без самогонки или водки.

Вот ещё эпизоды, связанные с моей рыбацкой жизнью.

На причале 16-й станции Большого Фонтана сдавались лодки на прокат. Поскольку главный лодочник был завсегдаем танцплощадки, где я работал, то он давал мне лодку для рыбалки бесплатно.

По соседству с моей съёмной комнатой жил симпатичный парень, страстно любивший ловить рыбу. Часто по утрам вдвоём мы отправлялись с ним в

море на дармовой лодке. Улов, конечно, делили пополам.

В то утро я, намочив слюной указательный палец, проверил направления ветра, посмотрел на небо и поспешил к соседу.

- Ванька, вставай! Рыба нас ждать не будет.

- Кимчик, иди без меня. У меня сегодня нет настроения. Поздно лёг спать – гулял долго.

Взяв снасти и наживку для рыбы, я пошёл к причалу. Ключ от замка, которым были связаны лодки на причале, у меня был. Я отцепил лодку и столкнул её в воду. «Ничего, - думал я, - посмотрим, сколько я сам наловлю бычков».

Приплыв на наше любимое место, где хороший клёв, довольно далеко от берега, я поспешно бросил якорь и приступил к рыбалке. Клёв был отличный, да и улов неплохой. Но, спустя некоторое время, рыба перестала клевать. Я решил поменять место и поднял в лодку якорь. Хватился, а одного весла нет...

Обычно, когда бросаешь якорь в воду - надо «сушить» вёсла, подняв их в лодку. Поспешность сыграла со мной злую шутку. Я вёсла оставил в воде. Одно весло болталось в уключине, второе - волна смыла в море.

Я сразу же бросил опять якорь в воду - но не тут-то было. Лодку уже отнесло в глубь моря, якорь до дна не доставал. Привязав поочерёдно к канату, на котором держался якорь, свои брюки и рубашку, я снова опустил якорь в воду. Бесполезно!

Якорь не коснулся дна. Я попытался управиться одним веслом - напрасные усилия. Лодку поворачивало то в одну, то в другую сторону. Меня уносило течением в открытое море.

Подняв единственное весло и якорь в лодку, я закрыл лицо руками и сидел, ожидая, как говорят, у

моря погоды. А погода всё ухудшалась и ухудшалась... Закончилась эта удивительная история тем, что меня под вечер подобрал сторожевой катер далеко в море.

На причале меня ожидали директор дома отдыха Михаил Наумович и многие отдыхающие, преимущественно женского пола.

- Ким, - обратился Михаил Наумович ко мне, - ты за время скитаний по морю даже успел поседеть!..

Хочу вспомнить ещё две истории. Они связаны уже не с Большим Фонтаном, не с холостой моей жизнью, а с дачей Ковалевского и с моей семьёй - женой и сыном.

Речь пойдёт о нашей маленькой и уютной даче, каждое лето манившей к себе, но забиравшей много сил и здоровья. Участок для постройки дачи был выделен моему отцу, старому коммунисту и заслуженному человеку. Моя семья в это время жила в Донецке. Не посоветовавшись с нами, и не имея материальных возможностей, отец предложил половину участка заведующему базой строительных материалов.

Когда мы впервые оказались на даче, я понял, что мои родители допустили непоправимую ошибку. Вполне можно было обойтись без «половинщика». Мы бы из Донецка вполне могли бы перевести родителям необходимую сумму.

Исаак Могилевский, так звали «половинщика», развил в скором будущем бурную застройку своей половины силами рабочих-строителей. Меня охватила мещанская зависть. Я не захотел отставать и, насколько позволяли возможности, начал благоустраивать свою половину.

Между нами возникло своеобразное соревнование: стоило мне покрыть нашу территорию бетонными плитами, как через два дня Исаак уложил такие же

плиты на своей половине. Стоило мне вскопать часть террасы для посадки овощей, как мой сосед сделал то же самое, только более профессионально и надёжно.

В один из дней я обратился к нему:

- Исаак, а почему бы нам не объединить свои усилия в обустройстве территорий. Дешевле обойдётся.

Так оно и получилось. С тех пор наши семьи подружились, и мы стали жить, как одна семья. Каждую весну мы совместно сажали рассаду на наших террасах. Окончание работ сопровождалось, естественно, «возлиянием». А в середине июля мы с огромным удовольствием срывали с наших грядок чудесные овощи.

На даче росли ещё и фруктовые деревья. Яблоки, вишни и сливы были огромные и очень вкусные, но только у соседа. Иногда мы срывали их – естественно, когда соседи отсутствовали. Известно – запретный плод сладок.

Боже, кто только не бывал на нашей даче: родственники, друзья, люди искусства, просто знакомые. Посреди дачи стоял стол, который всегда был накрыт для приёма гостей.

Ну, кажется, о даче всё. Вот теперь можно вернуться и к рыбацким историям.

Как и на 16-й станции Большого Фонтана, на даче Ковалевского тоже был причал для любителей рыбной ловли. Вступив в союз рыбаков-любителей и, уплатив членские взносы, я познакомился с хозяином одной из лодок, стоящих на причале, и стал его напарником. Мы вдвоём выходили в море на рыбалку.

Однажды мы вышли в море на лов скумбрии. Лодка у нас была с мотором. У места лова лодка замедляла ход. Мы опускали в воду прочную леску с грузилом, на леске было 10-12 крючков, обмотанных яркими перышками, которые имитировали наживку. Такое

приспособление для лова называлось «самодуром». Рыбалка с «самодуром» всегда была результативной. Однако, мне на этот раз не везло. Лодка была в движении, и мой «самодур» то и дело цеплялся за скалы. С болью в сердце я обнаружил, что все мои пять «самодуров» остались в море.

- Анатолий, - обратился я к партнёру по рыбалке, - одолжи мне пару «самодуров»!

- 25 рублей! - голосом, не терпящим возражений, сказал он.

А в те времена 25 рублей были немалыми деньгами. Я смотрю на него. А он невозмутимо вытаскивает в лодку «самодуры», увешанные скумбрийей.

Меня охватил такой азарт, что передать невозможно.

- Ладно, возвратимся на берег, и я дам тебе эти деньги.

Получив «самодуры» и насладившись уловом, мы вернулись на берег. Как было договорено, я поднялся к себе на дачу и принёс Анатолию злополучные 25 рублей. Он вернул мне деньги и сказал:

- Пойди в магазин, купи на эти деньги водку и вино и не забудь предупредить жену, чтобы она приготовила завтрак.

За завтраком я всё же спросил у него, почему он заломил такую цену.

- А для того, чтобы ты знал, что в море на скумбрию с пятью «самодурами» не выходят. Это тебе урок на будущее.

Он был прав. Это был хороший урок.

А вот ещё одна не менее забавная история.

После истории с «самодурами» я купил большую надувную лодку. Мне позже сказали, что это военная десантная лодка. Покупку решил обновить. Взяв необходимые снасти, еду и воду, мы с сыном Борей

вышли в море. На мне была яркая с разводами рубашка. Она потом сыграла неблагоприятную роль.

Мы по-тихому ловили бычков. Рыбалка была отменной. Вдруг как будто из ниоткуда появился пограничный катер. Без объяснений нашу лодку прицепили к нему и направились в сторону берега. Мы не сразу поняли, в чём дело. А потом ситуация прояснилась.

Над причалом возвышалась пограничная застава со смотровой вышкой. Пограничникам человек в яркой рубашке с разводами показался подозрительным. Да к тому же, почему он рыбачил на военной лодке?

Два пограничника раздули лодку, и нас привели на заставу. Никаких документов у меня с собою не было. Мне долго пришлось объяснять, что я никакого отношения к враждебной агентуре не имею. В конце концов мне почти поверили. Отпустили под залог. Я обещал, что устрою творческую встречу с пограничниками.

Своё слово я сдержал...

Ну, вот, пожалуй, и все мои рыбацкие истории.

Д О Н Е Ц К

После окончания Одесской консерватории я получил назначение в Донецк. Большой проблемой для нашей молодой семьи являлся квартирный вопрос. Моя жена работала врачом в больнице, которая обслуживала шахтёров и шахтёрские семьи шахты «Ветка Глубокая» в Путиловском районе города Донецка.

По долгу службы моя супруга часто встречалась с работниками горсанэпидстанции. А зав. промышленным отделом станции была Татьяна

Картамышева. Моя жена подружилась с Тасей (так мы её называли). Что их сблизило? То ли сходство характеров, то ли сходство взглядов и вкусов. Тася была интеллигентной и эрудированной женщиной, очень любившей, как она говорила, два блага: отца и музыку.

Видя наши довольно скромные квартирные условия, Тася занялась «пробиванием» квартиры. И таки пробила... Мы получили двухкомнатную квартиру в том же Путиловском районе. Радости нашей не было предела. Спасибо большое Тасе.

Отец Татьяны Картамышевой, очень больной человек, нуждавшийся в постоянном уходе, жил в Горловке. Тася мечтала, чтобы он переехал в Донецк. Она поменяла свою квартиру на другую, расположенную в Путиловском районе, и забрала к себе отца. Так как по долгу службы ей приходилось часто бывать в командировках, она иногда обращалась к нам, чтобы мы присматривали за отцом. Я стал частым гостем Тасиною отца.

Пётр Картамышев - сухощавый восьмидесятилетний старик с огромными усами, с суровым изучающим взглядом. Во рту постоянно дымила сигарета, заправленная в мундштук. Это был удивительный и совершенно необыкновенный человек. Будучи санитарным врачом, он был музыкантом (играл на скрипке), композитором, режиссёром, дирижёром. Он ставил оперы, правда, в любительском исполнении.

Пётр Картамышев до самозабвения обожал классическую музыку. У него было огромное собрание книг, клавиров опер редкого старинного издания. Кроме того, у него в идеальнейшем порядке была фонотека со многими, ещё довоенными, пластинками. А какие у него были познания в области музыки!

Часто по вечерам, беседуя о музыке, я иногда не соглашался с его суждениями. Иногда, споря, мы переходили на повышенные тона:

- Кимушка, ты в корне не прав. Что поделаешь? Молодое поколение, молодые взгляды... Я прав? Конечно!

Однажды утром Тася позвонила мне по телефону:

- Ким, папа просит тебя прийти к нему по очень важному делу. Я, к сожалению, должна сейчас идти на работу. Если ты свободен – приходи сейчас.

Я, естественно, тут же примчался.

Отец Таси лежал в постели, бледный, с измученным лицом.

- Ким, - сказал он, с трудом выговаривая слова, - как поётся в арии, «мой час настал»... Поэтому я хочу оставить некоторые распоряжения. С Тасей я уже всё обсудил. Как ты знаешь, у меня прекрасное собрание клавиров, опер, балетов, симфоний. В этом собрании есть редкостные старинные издания. Всё это я завещаю тебе. Среди клавиров есть уникальный музыкальный словарь Римана. Береги его! Очень много интересного и познавательного ты сможешь из него узнать...

Он продолжал говорить всё медленнее и медленнее, часто останавливаясь для того, чтобы откашляться. Я постарался повыше уложить его голову.

- Сделай одолжение, - сказал он, выдавливая из себя слова, - поставь на проигрывателе пластинку «Итальянское каприччио» Чайковского.

Вскоре эта великолепная музыка зазвучала в его спальне. Дыхание этого удивительного человека становилось всё реже и реже. Издав глубокий вздох, Пётр Картамышев скончался.

Среди нот, которые достались мне после его смерти, я наткнулся на вальс «Муся». Сверху нотного

листа я увидел: «Музыка П. Картамышева». Этот вальс был очень популярен в то время, да и сейчас. В те времена, испытывая дефицит в нотной бумаге, Картамышев сам на обычном листе разлинейвал нотный стан.

Перед репатриацией в Израиль из Одессы я поинтересовался у таможенников, что из книг, нот можно вывозить с собой. Оказалось, что медицинские, музыкальные словари, старинные оперные клавиры и музыкальные произведения к вывозу за границу были запрещены. Вот мне и пришлось, соблюдая правила таможенного управления, в спешке продать эти драгоценные для меня реликвии.

Характерно, что оценщица комиссионного магазина, назначая цену тому или иному клавиру, тут же выставляла его на продажу. А музыкальный словарь Римана - положила под прилавок и сказала:

- Таких словарей в Одессе два. Один из них у профессора по фортепиано Чагадаевой.

Прошло с тех пор много лет, а этот редчайший словарь 1918 года издания до сих пор перед глазами...

Хочу рассказать ещё о нескольких эпизодах из жизни в Донецке, не связанных с музыкой. Начну с футбольной темы.

Когда донецкий «Шахтёр» занял одно из первых мест в чемпионате страны, в городе начался ажиотаж. Болельщики закупали абонементы на весь футбольный сезон. Я и многие мои друзья не остались в стороне.

Сидели мы с друзьями на одной трибуне и в одном ряду. Шёл очередной футбольный матч. Во время перерыва между таймами честь пойти за мороженым по жеребьевке выпала мне. А у киосков, где его

продавали, стояла таки довольно внушительная очередь.

Бросив порции мороженого в «авоську» (тогда они были нашими «выручалками» и мы носили их в карманах – авось что-нибудь да купим), я помчался к своей трибуне. А второй тайм уже начался. Подойдя к трибуне, я попытался подняться к своему двенадцатому ряду. Не тут-то было! Дорогу мне преградили два рослых милиционера.

- Вот мой ряд и моё место. Я отлучался за мороженым для своих ребят. Вот они все сидят!

- Не положено. Второй тайм уже начался. Уходите по-дальше!

- Да вот же мороженое, которое я купил! А вот и мои ребята! - говорил я, пытаюсь прорваться через милицейский заслон. Но тут же был схвачен и с заломленными назад руками вынужден был спуститься вниз.

Но вдруг произошло невероятное. Нонка, моя жена, следуя принципу «наших бьют!», вихрем помчалась по ступенькам вниз и начала колошматить руками и ногами милиционеров.

Что тут началось! Дорогие мои, вы не поверите! Весь стадион всколыхнулся. На поле уже мало кто обращал внимание. Болельщики вскочили со своих мест. Стадион аплодировал и свистел до тех пор, пока менты меня не отпустили. Спасибо Нонке! Она проявила свои лучшие бойцовские качества.

Теперь другая тема. Она связана с катанием на коньках.

В Донецке было несколько ставок. Зимой они замерзали, и люди приходили туда покататься на коньках. Однажды жена притащила в дом мешок с коньками и ботинками.

- Зачем так много? - удивился я.

- А мы? А Юра? А сотрудники? Нынче мода пошла на коньки. Я их достала по блату.

И вот наступил воскресный день, когда мы большой компанией направились на каток. Юра Мухин быстро надел ботинки и довольно резво покатил по льду замёрзшего ставка.

- Ну, как? - спросил он.

- Великолепно! - с радостью закричали мы.

- Теперь надевайте коньки и я буду по очереди обучать вас катанию.

Мы одели коньки. Жёны наши, имея увесистые фигуры больше падали со смехом на лёд, чем катались. Очередь дошла и до меня. Я стал на лёд. Ноги мои поначалу разъезжались в разные стороны. Однако потом проявили себя давно забытые навыки, и я обрёл устойчивость.

Когда-то, очень давно, мы, мальчишки с Молдаванки, бегали к трамваю № 4, увозившему нас в парк Шевченко. Там мы катались по льду до изнеможения, и голодные, но довольные, возвращались домой.

Когда я почувствовал уверенность в ногах, заломив руки за спину, помчался с такой скоростью, что только меня и видели. Когда я вернулся, друг мой и «учитель» с восхищением сказал:

- Ну, знаешь, я от тебя такого не ожидал!

Приятно вспомнить и такое.

С Е Р Д Ц А Ч Е Т Ы Р Ё Х

Эти события относятся к студенческому периоду моей жизни. Нами была создана концертная бригада из

студентов консерватории и театрального училища, которая пользовалась в Одессе большим успехом. Во-первых, мы были молодой бригадой, состоявшей в основном из талантливых ребят. Во-вторых, многочисленным заказчикам мы обходились намного дешевле, чем концертные бригады филармонии. А заказчиков концертов, слава Богу, было предостаточно – санаториев и домов отдыха в Одессе было большое множество.

Я в этой бригаде был аккомпаниатором и исполнителем своих песен. В качестве конферансье выступал ныне покойный Захар Гельман (пусть земля ему будет пухом!), ставший мне близким другом до самой его смерти.

В нашей бригаде было два состава представителей разных жанров эстрады: певцы, чтецы, исполнители сценок и миниатюр. Две наших певицы впоследствии стали всемирно известными. Это народная артистка СССР, профессор Киевской консерватории по классу вокала Елизавета Чавдар и народная артистка РСФСР, солистка Большого театра Галина Олейниченко. Мне вспомнились два эпизода, связанные с именами этих выдающихся певиц.

Вы, дорогие читатели, слышали, конечно, о Всемирных фестивалях молодёжи и студентов. Лиза Чавдар была одной из участниц этого фестиваля. На конкурсе вокалистов она заняла первое место, получив звание Лауреата Всемирного фестиваля.

Одесский железнодорожный вокзал. На перроне - масса людей, встречающих гордость Одессы - Лизу Чавдар. Для такого события городские власти пригласили даже духовой оркестр – ведь это было большим событием для нашего города. Наша концертная бригада, в которой принимала участие

Лиза, приютилась около забора со скромненьким букетом цветов.

Поезд остановился. Грянула музыка. В двери вагона появилась Елизавета. Аплодисменты. Объятия. Поцелуи...

Беглый взор Лизы на мгновение коснулся забора: «А, мальчики, привет!». И она поспешно удалилась, растворившись в толпе начальства города и мимолётных поклонников. Мы даже не успели ей вручить наш букетик цветов...

На следующий фестиваль поехала наша вторая вокалистка – Галя Олейниченко. На этом фестивале она не только завоевала первое место, но и была названа «соловьём мира». Такой похвалы не удостоивался ещё никто.

Опять железнодорожный вокзал. Опять духовой оркестр. На перроне масса людей, встречающих гордость Одессы - Галю Олейниченко. И опять наша концертная бригада со скромненьким букетиком цветов. Аплодисменты. Объятия. Поцелуи...

И вдруг Галя заметила нас, приютившихся у забора. Растолкнув толпу, она бросилась к нам.

- Мальчики, милые мои, - воскликнула она, - я знала, что вы придёте меня встречать! Спасибо вам, дорогие!..

Две выдающиеся певицы, два разных характера, два разных человека.

Вот ещё два эпизода. На этот раз они связаны с двумя выдающимися певцами. Два Юрия. Один - Гуляев, другой - Богатиков. Один и другой - народные артисты СССР. Юрий Гуляев после окончания Свердловской консерватории был принят в Донецкий театр оперы и балета. Это был молодой, высокий, стройный красавец, сразу завоевавший симпатии

завсегдаев-любителей оперного искусства не столько своими внешними данными, сколько прекрасным голосом с удивительно красивым баритональным звучанием.

Молодой парень, только что со студенческой скамьи, он, как начинающий артист, получал мизерную зарплату. Конечно, сами понимаете, он стремился подработать на стороне. Песни были его стихией. Аккомпанируя себе на баяне, которым владел довольно прилично, он в свободное от театра время разъезжал с концертами по многим городам Донбасса.

Нужны были ему и песни донецкой тематики. Он слышал о четверостишии, написанном работниками донецкого телевидения:

Огней так много золотых
Зажглось в Донбассе заново.
Из композиторов своих
Мы признаём Юзанова.

Вот и обратился Юрий ко мне за песнями. Достаточно сказать, что им было спето около десяти моих песен. Мы подолгу репетировали эти песни у меня дома. Репетиции, как правило, заканчивались обильным застольем. Парень явно нуждался в домашней пище, домашнем уюте, которм он был окружён в нашей семье.

Творческая биография Гуляева молниеносно пошла вверх. Сначала он был принят в Киевский оперный театр, а затем и в Большой театр столицы.

Узнав из афиш о том, что в Одессе гастролирует Юрий Гуляев, я разыскал его номер телефона в гостинице «Красная»:

- Здравствуй, Юра. Говорит с тобой бывший дончанин, а ныне одессит Ким Юзанов. Помнишь по Донецку такого?

- Помню, - как-то сухо ответил он.

- Было бы хорошо нам встретиться в удобное для тебя время. Посидели бы. Ведь есть что вспомнить.

- Я не могу, - ответил он. - И вообще я очень занят.

Он повесил трубку...

В Донецке уже давно существовал шахтёрский ансамбль песни и пляски, пользовавшийся популярностью на Донбассе и за его пределами. Я часто пополнял репертуар ансамбля своими песнями и хорами.

Будучи на одной из репетиций, я познакомился с новым солистом - Юрием Богатиковым. Его басово-баритональный тембр голоса, его манера по-бойцовски исполнять песни покорили меня. Я предложил ему несколько своих песен, часть из которых он включил в свой репертуар. Иногда мы репетировали дома. Те же угощения. Та же уютная домашняя обстановка. Но...

Богатиков стал известным артистом. Уехал он из Донецка в Крым. Популярность его росла. Юрия приглашали в разные города Союза. Приехал он на гастроли в Одессу. Я ему позвонил:

- Юра, это говорит Ким Юзанов. Помнишь такого?

- Кимушка, дорогой, так ты в Одессе?

Я предложил ему встречу.

- Конечно, конечно. Давай сделаем так. У меня между двумя концертами час-полтора перерыва. Приходи в филармонию! Заходи в гримёрную! Захвати, если есть, новые песни для меня. Вместе подумаем, как нам ещё встретиться так, чтобы не «всухую».

В назначенное время я предстал пред его ясные, добрые очи. Не успели мы, как говорится, «прижаться» друг к другу, как в гримёрной появился директор Одесской филармонии Семёнов.

- Я к вам по очень важному делу, - сказал Семёнов Богатикову.

- Дорогой мой человек, извините, у меня друг, композитор из Донецка. Давайте встретимся в другой раз.

Семёнов посмотрел на меня с откровенной неприязнью и ушёл. Потом я узнал, что Семёнов пришёл к Богатикову, чтобы переманить его из Крымской в Одесскую филармонию...

Гуляев и Богатиков. Снова две личности, два характера, две души. Вот так...

О ДРУЗЬЯХ - ТОВАРИЩАХ

ЛЕВ АРКАДЬЕВ

Лёва Бух (Аркадьев) - мой одноклассник. С ним я учился с первого класса. Он был самым близким моим другом, а впоследствии даже стал названным братом.

С детства мы мечтали с ним «что-нибудь такое сотворить». Решили взяться за написание романа. Он писал «роман» «Фердинанд и Божена», а я - «Кровавая месть»... Где-то на девятой странице все мои главные герои закололи друг друга или перестрелялись - и мне уже не о ком писать. А Лёвка упорно продолжал сочинять и остался верным своим устремлениям.

В начале войны он был корреспондентом одесской газеты, руководил также агитбригадой, в которую я входил. Помню, мы пели частушки для солдат, уходивших на фронт:

Немцы - рыцари-вояки.
Храбро бьются на фронтах.
Только после каждой драки
Тяжесть чувствуют в штанах.

Когда началась эвакуация, Лёва с родителями выехал в Краснодарский край. Там он работал журналистом в местной газете. Как-то раз, вернувшись из очередной командировки, Лёва застал своих родителей мёртвыми. Они угорели от дыма. После этого он подался на фронт, и там случайно встретился с моим отцом. Больше они не разлучались, так как отец взял на себя заботу о нём. Так Лёвка стал моим братом. **ФОТОГРАФИЯ**

После войны мой друг уехал в тёплые края, работал там корреспондентом, писал очерки, пьесы. Женившись, он перебрался в Москву. Из Москвы Лёвка связался с моими родителями в Одессе, а те сообщили мне его телефон и адрес. Связь между нами восстановилась и продолжалась многие годы.

Чтобы охарактеризовать вклад Лёвы в искусство, стоит напомнить, что он являлся автором сценариев многих кинофильмов, в том числе «Королевство кривых зеркал», «Я - Хортица», был собственным корреспондентом газеты «Труд». Помимо всего прочего, Лёва вошёл в когорту людей, писавших для Аркадия Райкина.

Оформляя документы на выезд в Израиль, я часто бывал в Москве. Останавливался у Лёвки. В один из последних моих приездов Лёва попросил:

- Пришли, пожалуйста, из Одессы аудиокассету с твоими лучшими песнями. Пусть останется память о тебе!

Я, конечно, просьбу Лёвы выполнил. Среди отправленных песен была и та, которую я сочинил на слова Лёвы. Она каким-то образом попала на фронт и передавалась из рук в руки, из уст в уста. Вот её начало:

Небо в чёрных тучах звёзды прячет.
Где-то умолкает грозный бой.
А в палате скрипка тихо плачет -
Плачет и рыдает надо мной.

Молодого младшего сержанта
Успокой, сестра, чтоб не стонал.
Был и он, быть может, музыкантом.
И на скрипке, может быть, играл.

Привет. Скрипка, скрипка,
Не тревожь его, не плачь!
Скоро, скрипка,
Свет увидит твой скрипач.

Эта песня имела два названия - «Скрипка» и «В палате». Люди нашего поколения! Помните ли вы эту песню? Ну, конечно, помните! Я напел на аудиокассету несколько песен: «Тополя», «Мотэлэ», «Плакать не надо», «Лишь голубые глаза твои» и другие. А в конце кассеты - песню, слова которой были написаны мной на музыку Н. Богословского:

Ну что сказать тебе, мой друг?
Мы оба в том не виноваты,
Что стали близкими мы вдруг,
Намного ближе, чем когда-то...

Прошло так много-много лет,
Как породнились мы с тобою.
Отца на свете уже нет –
Осталось мужиков нас двое.

Была война – пылал пожар
Над нашею страною...
Твоих родных забрал угар,
Остался, друг, ты сиротою.

На фронт подался ты, друг мой,
С отцом моим ты повстречался.
Связались дружбой вы большой –
И братом ты моим назвался.

С тех пор немало лет прошло,
Мы редко видимся с тобою,
Но время, брат ты мой, пришло
С тобой расстаться и страною.

Итак, прощай, мой милый друг,
Не знаю, встретимся ль мы снова.
Как жаль, что сблизились мы вдруг –
Желаю счастья, брат мой Лёва!

Год назад этот удивительный, кристально честный человек, талантливый журналист, писатель, киносценарист Лев Аркадьев ушёл из жизни. Пусть земля ему будет пухом!

С А Н Ь К А

Продолжая тему о самых близких мне людях, друзьях, родственниках, я не могу не вспомнить о

родном брате моей жены Саньке. Это был ярко-рыжий красавец гигантского роста, с золотыми руками, мягким и добрым сердцем. **ФОТОГРАФИЯ**

Однажды я, жена и Санька пришли в гости к моим родителям. После ужина моя мама, зная об удивительной смекалке Саньки, обратилась к нему с просьбой:

- Посмотри, Санечка, замок от шкафа, что-то он барахлит.

Санька отвинтил шурупчики замка, взял замок в руки, долго-долго его вертел. Наконец, взял отвёртку. Два-три движения - и замок заработал.

Я спросил у него:

- Почему ты так долго «колдовал» над замком?

- Сначала надо семь раз подумать, а потом делать, - ответил он.

Эти мудрые слова я помню и сейчас, когда мне что-либо приходится делать по дому. А я ведь, благодаря навыкам, приобретённым ещё в кокандской школе ФЗО, понемногу разбираюсь и в электричестве, и в сантехнике, и в столярно-слесарных делах. Вот опять я хвастаюсь, я же Лев по гороскопу.

Так вот о Саньке.

В это зимнее, дождливое утро Санька работал на электрокабельном заводе электриком. Ему поручили, как высококвалифицированному специалисту, установить в кабинете начальника цеха лампу дневного света (тогда это только входило в моду).

Став в мокрой обуви на железный сейф, взяв в руки электродрель, чтобы просверлить в нужных местах отверстия, он включил электродрель, и тут же был смертельно поражён током.

Мы в это время жили в Донецке и дружили семьями с врачами-однокурсниками жены Людой и Юрой Мухиными.

В тот злополучный вечер раздаётся телефонный звонок:

- Нонка, что-то моему Юре плохо, я не могу определить причину его плохого состояния, - чересчур взволнованным голосом сказала Люда. - Захвати с собой шприц и прошу тебя, как можно быстрее приходи.

Мы жили рядом, буквально через дом. Когда нам Люда открыла дверь, мы, увидев, что друзья наши в полном порядке, поняли, что случилась беда в Одессе.

- Что случилось с Санькой? – был первый вопрос моей жены.

- В Одессе случилась беда. Санька полез на столб с электропроводами, ему надо было что-то исправить, он споткнулся и упал со столба. Состояние его критическое. Из Одессы не хотели вам звонить, зная, что родители ваши гостят у вас. Чтобы как-то их подготовить, родственники позвонили сначала нам, ну а мы – вам.

Когда я, улучив момент, остался вдвоём с Юрой Мухиным, он сказал:

- Сегодня на заводе Саньку убило током. Довези, Ким, родителей и Нонку до Одессы. Пусть у них будет надежда, что Санька ещё жив. Это одесситы предложили передать вам такую версию...

Пока в аэропорту оформлялись билеты, пока мы созванивались с Одессой, чтобы узнать состояние Саньки и до отлёта оставалось ещё пару часов, отец жены Аркадий Семёнович (Коля, как все мы его называли) повёл меня в буфет. Выпив, как сейчас помню, по стакану водки, тесть взял меня за грудки:

- Ты же мужик, и я мужик – говори мне всю правду. Саньки уже нет в живых? Говори – я всё выдержу.

Я, придерживаясь договорённой между нами версии, подтвердил её и в этот раз. Мне нужно было довести мою Нонку и её родителей до Одессы. А там...

На похоронах Саньки я услышал, как его родные причитали:

- Теперь, Санечка, мы остались одни. Дочка далеко от нас. Мы остались сиротами.

Видя и слыша всё это, я поклялся над могилой, что не оставлю их одних и перееду в Одессу. В скором времени моя семья переехала в Одессу. Я сдержал свою клятву....

В Нетании, где живем мы, живут вдова Саньки - Ара, дочь Марина с семьёй. Марина унаследовала великолепные черты своего отца: справедливость, доброту и широту души, способность в любую минуту прийти на помощь другому. Дай Бог этой семье здоровья и счастья!

ЭЛЬВИРА И МИША МЕРЫ

Сейчас в Израиле, в самом южном городе-красавце Эйлате, температура в котором порой достигает 45 градусов по Цельсию, живёт большая семья Меров. Меры - наши друзья почти шестидесятилетней давности. Когда эта семья собирается по каким-либо торжественным датам, за столом восседает не менее двадцати человек.

Остановлюсь на главе этой семьи - Мише Мере, и его жене Эльвире.

Миша, будучи студентом Одесского театрального училища, был влюблён в студентку медицинского института Нону Шполянскую (как вы догадываетесь, в мою теперешнюю жену). Да и Нонка отвечала ему взаимностью.

Долгое время они встречались, несмотря на запреты родителей Ноны. Те говорили: «Артист - это артист во всём».

Цепь этих встреч прервал я, появившись в её доме с аккордеоном.

А дело было так. Я написал музыку к спектаклю «Дипломный проект» в постановке Одесского русского театра. Руководство театра пригласило меня на премьеру спектакля, вручив два билета. В день премьеры я пошёл к своей знакомой Нине Сашиной. Я застал её лежащей в постели. Она не смогла пойти со мной в театр, ссылаясь на головную боль.

- Знаешь что, - сказала она, - вот тебе адрес девушки, которая живёт рядом с театром. Она моя подруга и большая любительница театров. Я напишу ей записку. Уверена, что она с удовольствием согласится пойти с тобой на спектакль.

Вот так я оказался в доме своей будущей жены, с которой живу более 55 лет.

После премьеры я стал часто бывать в доме Нонки (между прочим, её до сих пор все так называют). Аккордеон, который всегда был со мной, как мне кажется, сыграл не последнюю роль в нашей судьбе. Родители Ноны обожали музыку, в особенности из разных оперетт. Я с удовольствием играл им всё, что они просили, чем завоевал большое расположение к себе.

Простите, я немного отвлёкся от темы. Итак, речь шла о семье Меров. После окончания театрального училища Миша Мер получил назначение в Одесский

театр юного зрителя в качестве артиста. Там он познакомился со своей будущей женой Эльвирой Сосницкой, также актрисой. Вскоре эта супружеская пара была приглашена в концертную бригаду при Одесской филармонии. Вдвоём они играли скетчи, миниатюры. За несколько лет они исколесили с гастроями весь Советский Союз.

Юный Мер и тогда, и в более поздние годы слыл душой компании. Его называли «хохмачом» за искомётные шутки. В той же компании, как вы догадываетесь, в своё время была и моя жена. Также там были интересные и талантливые люди, которые впоследствии стали профессорами, докторами наук, заслуженными артистами Украины и Советского Союза.

Умение воспользоваться доброй, иногда саркастической шуткой Мер переносил впоследствии в куплеты, которые посвящал родным, друзьям и близким. Пел он их на мотивы популярных песен. Пару таких куплетов, посвящённых нашей семье, я приведу позже, а пока, чтобы охарактеризовать черты его характера и привычки, я себе позволю поместить свои куплеты к 75-летию Миши:

«Мне нравятся все женщины на свете», -
Пел Шуфутинский в песенке своей.
Мелодию я взял у песни этой,
И написал свои куплеты к ней.

Приве: За Мишку Мера мы споём,
За юбилей бокал нальём,
Сегодня день такой, друзья,
Что нам не пить никак нельзя.

Чтоб был он только нам здоров,
И чтоб забыл про докторов.
За Мишу Мера до утра
Я пить готов.

Привычек у Мишани очень много,
О некоторых можно рассказать,
Но не судите Мишу очень строго –
А то он вас совсем не будет знать.

Привет: За водку вам могу сказать –
Один глоток привык глотать –
Он каждый день к обеду льёт
С бутылки прямо-прямо в рот.

Зато двенадцать раз подряд
Мешает сахар в чае кряд,
А в море семь гребков туда и пять сюда.
А в завтрак хлеба три куска,
Бритьё – из старого станка,
А ну, чтоб гром всюду гремел,
Чтоб «вести» он не посмотрел.

И это всё из года в год,
И по привычке всё идёт,
И по привычке всё идёт
Из года в год.

Давным-давно я знаю Мера Мишку,
И очень часто думаю над тем,
Какой секрет он вычитал из книжки –
Что старость не берёт его совсем.

Привет: И все хотим мы пожелать
Тебе до сотни поднажать,
А коль сто двадцать – то вполне –
Ведь это норма здесь в стране.

Живи на радость нам – друзьям,
Тебе зарок сейчас я дам:
Примчусь на сотый юбилей
С женой своей!

А теперь – к куплетам Миши Мера. Вот куплеты, посвящённые моей жене по поводу надбавки к её зарплате. Мы решили устроить по этому поводу небольшой сабантуй, пригласив, кроме Меров, главного врача больницы, где работала моя жена, Юрия Гордона. Итак:

По случаю повышенной зарплаты
Для вас, наверно, не секрет,
Не глядя на волнения и затраты,
Нас пригласили на обед.
Считаюсь я виновнице старинным другом,
Со школьной я узнал её скамьи.
Теперь, войдя в контакт с её супругом,
Я приглашён сюда как друг семьи.

Дальше идут стихи, имеющие малое отношение к данной теме. Я их упустил. И дальше:

Но не одной надбавкой жив человек,
Хоть денег побольше иметь всем охота.
Но для коммуниста в наш доблестный век
Главное – это работа.

Работа её такая –
Забота её большая.
Здоровая или больная
На вызов она идёт.

И в снег, и в ветер,
Даже в жуткий гололёд –
Врачебное сердце
В дорогу её зовёт.

Эх, дороги, ходишь, хоть плачь,
Натирает ноги участковый врач.
Знать не можешь доли своей,
Может, крылья сложишь перед пенсией.
Бьются ноги этажами, домами, дворами,
А ещё, мы знаем сами – больные нудят.
Эх, дороги, ходишь, хоть плачь,
Натирает ноги участковый врач.

Участковый врач – это доблестный труд.
Домашний врач – говорили деды.
За этот труд зарплату дают,
Что отмечают званым обедом.

День обеда, как он был от нас далёк,
На него уже рассчитывать не смог.
О надбавке разговоры долго шли,
Этот день мы ожидали, как могли.

Этот день обеда яствами пропах,
Это праздник с выпивоном на столах.
Это радость со слезами на глазах –
День обеда, день обеда, день обеда.

Дни и ночи, даже больше всех врачей,
Не смыкала наша Ноночка очей.
Дни и ночи, всё с больными, как закон,
И увидел это всё-таки Гордон.

Он пришёл к обеду, словно второпях,
С добрым словом и с улыбкой на устах.
Дал надбавку – это всё-таки сармак
Для обеда, для обеда, для обеда.

За этот день обеда выпью сгоряча
За здоровье участкового врача.
Жаль, что нету Леонида Ильича
На обеде, на обеде, на обеде!

А теперь его же куплеты, посвящённые моей жене,
написанные уже в Израиле.

НОНКЕ – 60
(на разные популярные мелодии)

Давно я не видел подружку,
С тех пор, как приехала к нам.
Налейте в стеклянную кружку
Положенные мне сто грамм.

Гитару возьми, струну подтяни,
Знакомую песню подпой.
О дружбе большой, о девушке той,
Как мы полюбились с тобой.

Подружка моя, я тебя уважу,
В день рождения твоего

Я гостям расскажу.
Подружка моя, ради интереса
Я в Нетании твоей вспомню «за Одессу».

Мы в Медине повстречались,
Когда был я молодой.
Не гребли, а целовались,
Не качай, Ким, головой.
Иди, говорят, в Медин, говорят,
Там есть, говорят, девчонка.
Пришёл, говорю, нашёл, говорю,
Хорошенькую Нонку.
Мы друг друга полюбили,
Быть всегда со мной клялась.
Очень мило мы дружили,
Ну а Киму отдалась.
Звиздец, говорит, в Донецк, говорит,
Там легче нам пробиться,
А Мер, говорит, с ним хрен, говорит –
Приходится жениться.

В жизни у каждого есть своё место,
Значит, расстаться нам время пришло.
Если к другому уходит невеста –
То неизвестно, кому повезло.

Привет: Рула ты, Рула и т. д.

К жизни свободной меня приучили,
Страшной обузой казался мне брак.
И если бы в ТЮЗе меня не женили,
Я б до сих пор был ещё холостяк.

Привет: Рула ты, Рула и т. д.

Мне в жизни очень повезло,
Не потому, что я на Нонке не женился,
А потому, что всем чертям назло
Я с ней навеки подружился.

Она – мой искренний и добрый друг,
И дружба эта временем проверена.
Моя подруга, и её супруг
На это реагируют умеренно.

С друзьями пройден славный путь,
И Нонка хорошо об этом знает.
Как часто даже хочется всплакнуть
О том, как здесь их не хватает.

Мне в жизни очень повезло:
Когда нас с Нонкой разлучили,
Ан, дудки, всем чертям назло –
В конце пути мы снова в Израиле.

Так будьте здоровы, живите богато,
А мы к вам приедем ещё из Эйлата.
Так будьте здоровы, живите богато –
Примите наш «Мерский» привет из Эйлата.

МОИСЕЙ И ЛИЛЯ АЙЗЕНБЕРГИ

А теперь пришла очередь написать о больших друзьях далёкой юности Моисее и Лиле Айзенбергах. Эта пара живёт в г. Балтимор (США) с двумя детьми и внуками.

Моська (так мы всегда его называем), имея высшее техническое образование, работал на заводе токарем-фрезеровщиком высшего разряда. Лиля, окончив Одесский педагогический институт, преподавала в школе биологию.

Айзенберги, спокойная, уравновешенная пара, пройдя свой жизненный путь через невзгоды и лишения, сохранили любовь и преданность друг к другу, к детям и внукам. А какой Моисей дед? Всем дедам дед! А какая у него феноменальная память? Он помнил всё: в каком году, какого числа и месяца произошло то или иное событие, фамилии, имена и отчества людей, с которыми ему приходилось общаться.

В 1977 году Айзенберги эмигрировали в Соединённые Штаты. Уехали потому, что хотели избежать призыва старшего сына Вити в ряды Советской Армии. Опасались, что еврейский мальчик, да ещё с таким неуживчивым характером, может попасть в лапы «дедов». А это, дорогие читатели, сами понимаете, что означает...

Айзенберги дважды приезжали в Одессу ещё тогда, когда мы там жили. Мы с ними поддерживаем регулярную связь после переезда в Израиль. Здесь, в Нетании, они у нас также гостили дважды.

А однажды... Свою золотую свадьбу мы отмечали в одном из русских ресторанов нашего города. Уже гости были в сборе, когда официантка подошла к нам:

- Там у входа вас спрашивает какая-то пара.

Мы подошли к двери... О Боже! «Моськи» собственными персонами! Радости нашей не было границ. Мы объявили гостям, кто эти люди, и гости стоя приветствовали одесских американцев.

А дело было так: приехали американцы накануне, заранее договорившись с нашей дочкой (она живёт в

Хадере). Пару деньков пожили у неё. А на торжество к назначенному времени приехали в нетанийский ресторан. Какой был сюрприз!

А теперь о втором сюрпризе, связанном с теми же Айзенбергами. К пятидесятилетию своего сына мы с женой прилетели в Сан-Франциско. Юбилей отмечали в русском ресторане. А накануне наш сын, придя с работы, зашел на кухню и сказал:

- Опять кошка нашкодила в гостинной. Пойдите, посмотрите!

Мы с неохотой поплелись в гостинную... И что бы вы думали? Там наши «Моськи»! Мы ошарашены... Оказывается, Борька заранее договорился с нашими друзьями, поехал в аэропорт, встретил их и, ничего об этом не говоря, привёз их к себе домой.

Привожу куплеты, посвящённые их пребыванию в Одессе:

Прошло уж 9 лет как раз,
Как вы уехали от нас.
Вы были с нами, но не с нами,
Когда никак вам не везло,
Когда вам было тяжело –
Делили горе вместе с вами.

Вы через трудности прошли,
И счастье в США себе нашли,
Мы радость делим вместе с вами,
И вот сбылась мечта у вас –
Пришёл и долгожданный час –
Мы вместе за столом сейчас.

Привет:

Ах, наши верные друзья,
Вы знаете – нам без вас нельзя.
Вам завтра нужно уезжать.
По вас мы будем тосковать.

А эти дни, поверьте мне,
Мы будем видеть и во сне,
И помнить будем их всегда,
И не забудем никогда.

Желаю много радости
Вам до глубокой старости,
И быть вдвоём всегда вам вместе.
Детей скорей вам поженить,
Потом хорошей тещей быть
И также быть хорошим тестем.
Болезней никаких не знать,
И свои силы сохранять,
Для внуков, можно и для внучек.
И знать, что с вами мы всегда,
И знать – до гроба мы друзья.
И знать, что нам без вас нельзя.

Привет:

Вам завтра в путь, далёкий путь,
Пусть очень тяжело нам, пусть,
Но верим – время то придёт,
И снова нас судьба сведёт.

За радость встреч, за боль разлук,
Чтоб вы не знали больше мук,
Чтоб сбылось то, что я сказал –
Я поднимаю свой бокал!

Мне запомнилось четверостишие, которое прочитал нам Моисей:

На исходе двадцатого века,
Когда жизнь не подвластна уму,
Как же надо любить человека,
Чтобы взять и приехать к нему!

Больше и лучше, по-моему, не скажешь!

ЛЮДА ЧЕРНОМОРЕЦ И САВВА ОЛАНОВСКИЙ

Я не без трепета в душе, испытывая чувство огромного горя, наконец решил прикоснуться к перу, чтобы написать об этих людях. Это были, пожалуй, самые давние наши друзья. Как ни больно, как ни щемит сердце, но писать нужно. В прошлом году умерла наша Людочка, а в этом - Саввуля.

Люда была в полном смысле этого слова героической женщиной, прожившей три четверти века своей жизни, будучи тяжело больной. Ей одной из первых делали в Будапеште операцию на сердце, в Германии - операцию на тазобедренном суставе, в Америке - вторую операцию на сердце, в Одессе - операцию по поводу рака груди.

Она - героическая женщина ещё и потому, что, несмотря на категорические запреты профессуры, родила сына Славика. И родила после второй беременности. Первая беременность закончилась трагично: на седьмом месяце её сбил с ног велосипедист.

После выхода из больницы Люда заявила: «Я всё равно буду рожать!».

Описывать все её мытарства, связанные с борьбой за жизнь, - не хватит бумаги. Много десятков лет она

проработала преподавателем портняжного дела при профессиональном техническом училище. О гостеприимстве и кулинарном искусстве этой женщины ходили легенды в кругу друзей и знакомых.

Уходила Люда из жизни в тяжких мучениях, но при полном сознании. Во время похорон Савва сказал, обращаясь к Люде:

- Рядом с тобой я заготовил место для себя. Тебе недолго придётся ждать меня.

Через год его похоронили рядом с Людой.

О великомученике Савве можно действительно написать яркое литературное произведение. Закончив заочно юридический факультет Одесского университета, обладая большими знаниями и золотыми руками, он более тридцати лет проработал мастером на судоремонтном заводе в одесском порту.

Чтобы у вас, дорогие читатели, сложилось более полное впечатление о нём, я позволю себе привести куплеты, посвящённые ему, на мелодию песни «Эх, хорошо!»:

Эх, хорошо, когда Саввуля есть.
Эх, хорошо, что домработник есть.
Эх, хорошо, когда снабженец есть -
Всё он может сделать, всё учсть.

Он продукты любые достанет,
На базар каждый день он бежит,
И без лишних он слов
Постирать всё готов,
Всё готов, всё готов, всё готов
Он готов всегда, во всём,
Он готов и ночью, и днём.
Чем работы у Саввы побольше –
Тем побольше энергии в нём.

И ещё куплеты (на мелодию «Ах, Одесса»):

Кто может в аккуратности здесь потягаться с ним,
По домовой опрятности потянется кто с ним.
Хоть волосы седые, но руки молодые –
Пример во всём, Саввуля, ты другим.

Привет:

Ах, Саввуля – жемчужина Одессы,
Ах, Саввуля – пою тебе я песню,
Ах, Саввуля, совет тебе я дам:
Сто лет, Саввуля, живи на радость нам.

Мой совет, как оказалось, ему не понадобился.
Память об этой замечательной паре навсегда
сохранится в сердцах наших...

СЕРГЕЙ СУШОН

Среди старых друзей из юношеской компании моей жены заслуживает внимания личность Сергея Сушона. Я познакомился с ним уже в Израиле. Сергей Сушон - бывший узник гетто, профессор, кандидат экономических наук, активный общественный деятель, зам. председателя Всеизраильского объединения бывших узников гетто. Живёт он в Хадере. Ведёт жизнь, насыщенную поездками, симпозиумами и консультациями. Часто говорит с нами по телефону, приезжает в гости. Поддерживает связь с Мишкой и Мосей. Обязательный, общительный, исполнительный, просто хороший парень.

Чтобы завершить главу о друзьях-товарищах, хочу привести несколько куплетов на мелодию марша из кинофильма «Весёлые ребята»:

Легко на сердце тому, кто с друзьями,
И плохо тем, у кого нет друзей.
Ведь в дружбе счастье – вы знаете сами,
Без дружбы – горе большое для людей.

Привеи:

Нам дружба жить и любить помогает,
Она нас всех и зовёт, и ведёт.
И тот, кто с дружбой по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадёт.
Мы 50 с Мишкой, Моськой, Саввулей,
И дружбу мы пронесём сквозь года.
Те 50 уже многих столкнули,
А мы всё дружим навеки, навсегда.
Шагай вперёд, наше старое племя!
И песню пой ты о дружбе большой!
Не старят нас ни седины, ни время -
Мы молодые не телом - так душой!

ВЛАДИК ЛУКАШОВ И ЭДУАРД ЯВОРСКИЙ

Мне приходилось писать музыку к различным спектаклям. Музыка могла быть исполнена в спектакле только после её защиты в УЗАП. Так сокращённо называли управление по защите авторских прав, которое размещалось в Киеве. Естественно, мне приходилось часто совершать служебные поездки в столицу Украины.

Моим оппонентом был известный композитор-«театральщик» Владик Лукашов. Для первой нашей встречи я взял с собой в дорогу два штофа «Горилки з

перцем». Встреча наша состоялась у него дома вначале за роялем, а потом за столом. Боже, какую вкусную жареную картошку с луком и чесноком готовил Владик!

Справка была выдана. Но, главное, мы очень быстро сблизились: то ли на почве распития горилки, то ли на творческой основе, но, скорее всего, на почве общности наших душ, характеров, вкусов и мировоззрений.

В Киеве я бывал часто. Остановливался у Владика на время командировки. Однажды у Владика в доме я застал импозантного мужчину.

- Знакомься, - сказал Владик. - Эдуард Никифорович Яворский - главный редактор журнала «Музыка», либреттист многих балетов и просто очень хороший человек.

С этим немного застенчивым и обаятельным человеком я тут же подружился. Мы поддерживали добрые приятельские контакты вплоть до моего отъезда в Израиль.

Эдик часто приезжал в Одессу как председатель комиссии по приёму той или иной новой постановки театра оперы и балета. Мы часто засиживались у меня дома, беседуя на разные темы...

«Как-то летом на рассвете» раздался телефонный звонок:

- Кимуля, - говорит Лукашов Владик. - Ты не будешь возражать, если я с женой и двумя девочками приеду к тебе своим ходом на дачу? Не надолго: на две-три недельки. Лады?

- Конечно, лады, - ответил я.

Их приезд очень оживил наши однообразные будни. Мы прекрасно общались. Жена Владика активно включилась в мероприятия, связанные с огородом,

готовкой пищи. Как раз был период уборки и консервирования овощей.

Каждое утро Владик подходил к умывальнику, двумя пальцами промывал глаза и кричал на всю дачу:

- Нона, кавы (кофе).

Наша дружба с Владиком и Яворским продолжалась ещё очень долго.

Когда я перед отъездом в Израиль приехал в Киев за визами, Эдик встретил меня, а при расставании подарил своё фото с очень трогательной надписью: «Как жаль, что я уже не смогу посмотреть в твои добрые глаза...»

НАШИ ТУРПОЕЗДКИ

Теперь речь пойдёт о туристических поездках внутри страны и за её пределами. Они представляют интерес тем более потому, что каждая поездка имела отношение к моему творчеству, то ли к музыкальному, то ли к т. н. поэтическому.

ПОЛЬША

В те времена были модными так называемые обоюдные встречи с людьми из братских социалистических государств. На практике это выглядело так: семья, предположим, из Польши или из какого-либо другого государства социалистического содружества, приезжала по вызову семьи из Советского Союза, а семья из Советского Союза приезжала потом по вызову из той же Польши.

Наши друзья по Одессе Журавские познакомили нас с польской семьёй. Вскоре мы получили от них вызов

на поездку в город Вадовицы. Мы поехали в Польшу. Посетили Варшаву, Краков, Освенцим и другие места.

В Вадовицах, где жили наши Мария и Казик, узнав, что мы из «России», нас пригласили на встречу с местной учащейся молодёжью. Я, с помощью переводчика, рассказал об Одессе, спел несколько своих песен. В центральных польских газетах появились заметки с фотографиями об этой встрече.

Наш молодой переводчик оказался родственником начальника цитадели Варшавы полковника Тихоцкого. Семья Тихоцких пригласила нас на польский обед. Кроме нас, у него дома среди гостей были несколько пар, как военных, так и гражданских. Слово за словом, анекдот за анекдотом.

Кстати, вот один из анекдотов, рассказанный самим Тихоцким.

Мужской стриптиз-бар. Объявляется конкурс на «раздевание» среди присутствующих мужчин. Руководитель этого мероприятия приглашает желающих принять участие в конкурсе.

- Панове, кто пераший?

На сцене появляется желающий. Процедура раздевания...

- Откуда вы родом? – спрашивает ведущий.

- Из Кубы, - отвечает первый «стриптизёр».

- Вива Куба! – громко произносит ведущий.

Появляются один за другим желающие принять участие в этом «мероприятии».

Наконец, последним появился мужичок. Робко снимает с себя одежду. Очередь дошла до кальсон. Развязывает завязки на ногах, долго копошась. В это время из зала доносится:

- Кшисек, кажи цо ты з России, з России.

На наш с супругой взгляд это был политический анекдот, говорящий о многом...

Мы, конечно, в долгу не остались, рассказав примерно такой анекдот:

Идёт один поляк по дороге. Его догоняет мужчина:

- Панове, сколько километров до Катовиц?

- Семь километров, - отвечает первый.

Идут они вместе уже больше часа.

- Панове, а сейчас сколько до Катовиц?

- Четырнадцать, - невозмутимо отвечает другой.

Это, конечно, не политический анекдот, но с некоторым подвохом, намекающим на умственные способности некоторых поляков...

Наконец, нас пригласили к столу. Стол был накрыт прекрасными по тем временам яствами. Хозяйка вынесла огромное блюдо с сырым мясным фаршем, вокруг которого была красиво разложена приправа:

- Это «тартар», - объяснил Тихоцкий, - любимое национальное блюдо. Фарш берут руками, заедают приправой.

Я попробовал. Мне понравилось. Жена попробовала и поморщившись, но так, чтобы этого никто не видел, сказала:

- Разрешите мне из этого фарша приготовить другое блюдо?

- Конечно! - ответил полковник.

В сопровождении хозяйки дома Нона направилась на кухню. Вскоре на столе появились жареные с хрустящей корочкой котлеты, от которых гости не могли оторваться. Пальчики оближешь!..

А через некоторое время Мария и Казик, с их сыном Кшисеком, приехали к нам в Одессу. Время было летнее. Мы сразу поехали на нашу дачу. Кшисек, их сын, постоянно что-то жевал, не переставая хвалить наши фрукты и овощи.

Поляки гостили месяц. Посетили достопримечательные места Одессы. Переводчик им был не нужен, так как Мария, будучи преподавателем русского языка в польской школе, хорошо владела русским.

БОЛГАРИЯ

В Болгарии мне довелось бывать дважды: первый раз - с женой, второй - со школьниками интерната № 4 для детей-сирот.

Первую поездку не буду описывать подробно. Остались в памяти София, Варна, «Золотые пески», а также группа одесситов по совместному путешествию, с которой мы прекрасно провели 14 дней. Запомнились также вкусные болгарские застолья, вина и плизки в барах и ресторанах.

Поездку с учениками интерната я опишу подробнее.

На областном смотре художественной самодеятельности школ-интернатов хор под моим руководством занял первое место и был награждён поездкой в Болгарию на теплоходе. Радости детей не было предела...

Дети прекрасно вели себя на теплоходе и в Болгарии. Экскурсий было много. Но одна встреча с болгарскими школьниками мне запомнилась особо. В огромном спортивном зале собрались учащиеся одной из школ. В зале были дети и взрослые, более тысячи человек. После обмена приветствиями выступил хор болгарских школьников. Вслед за ним выступили мы. Помню, мы спели на болгарском языке песню о дружбе «Эхо».

Концерт шёл своим чередом. Ведущая объявила:

- «Малиновый звон», музыка В. Носова.

По мере исполнения песни мы заметили, что болгарские дети подпевают:

Малиновый звон на заре,
Скажи моей милой земле,
Что я в неё с детства влюблён,
Как в этот малиновый звон.

Когда мы закончили песню, грянули аплодисменты и мы услышали крики: «Ещё! Ещё!» Тогда у меня промелькнула мысль: почему бы болгарским школьникам не выучить эту прекрасную лирическую песню наизусть. Мы приступили к работе с залом. Через пол часа весь зал пел с нами. Улыбкам, поцелуям и рукопожатиям в этот незабываемый день не было конца.

КАВКАЗ

Казалось бы, что в мире нет лучшего места, чем наша дача. Но не давала покоя муза странствий. Хотелось увидеть мир не только из окон дачи. И мы ездили. Манили разные города нашей родины: Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси, Рига, Таллин, Вильнюс. Манил ещё и Кавказ. О нем я и хочу рассказать.

Мы выехали по туристическим путёвкам. Предстояло посетить Нальчик, Пятигорск, а также знаменитую Долину нарзанов. В нашу группу входили туристы из разных городов Украины. Одессу представляли только мы вдвоём: я и моя супруга.

В Долине нарзанов нас встретили концертом силами туристов, которые назавтра уже уезжали. Такая, как оказалось, в Долине нарзанов сложилась традиция. Неделю пребывая здесь, туристы не только

знакомились с достопримечательностями, но и готовили концерт для своих преемников.

Скажу, не хвастаясь, - по отзывам культотдела этого курорта наша группа дала концерт, которого у них ещё не было. В составе группы были люди с прекрасными голосами (это же Украина), особенно женскими. Я играл на аккордеоне, сопровождая каждый номер. А хор! Сами понимаете, как он звучал под моим руководством.

Будучи в Долине, мы совершили вылазку в горы. Рядом с нами шла огромная собака экскурсовода. Учитывая, что в группе мы были самые старшие, экскурсовод вёл нас в замедленном темпе. Постепенно подъём становился всё круче. Жене становилось всё труднее следовать за группой. На это обратил внимание наш руководитель. Он дал команду собаке. Собака подошла к жене, тыча своим хвостом в её руки.

- Возьмите её за хвост! - сказал экскурсовод.

Жена так и сделала. И тут произошло невероятное: собака тащила жену вверх, помогая ей хвостом и лапами. Мы преодолели подъём, а когда мы вернулись на базу, жена в знак благодарности за помощь угостила собаку своим обедом.

На территории Долины находилось кафе, в котором потчевали нас шашлыками и вином. Однажды мы в кафе от-мечали день рождения одного туриста. Я притащил с собой клубный аккордеон. Песня за песней, вино за вином, шашлык за шашлыком.

Около нашего стола появился мужчина «кавказской национальности»:

- Слушай, - обратился он ко мне, - сыграй «Кабардинку»!

- Нет, - ответил я, - не сыграю. Сначала выпей с нами стакан вина, а потом, так и быть, выполню твою просьбу.

Он выпил стакан вина. Я заиграл «Кабардинку». Что тут началось... После того, как я закончил играть, смотрю – мой кабардинец несёт в двух руках несколько бутылок вина...

С тех пор почти каждый вечер мы всей группой собирались в кафе. Ели, пили, пели - всё это бесплатно. Так распорядился хозяин кафе. Ему это было выгодно: благодаря нам кафе ломилось от посетителей.

А с хозяином кафе горцем Мачраилом я даже подружился. Это был умный и рассудительный парень. Часто мы с ним подолгу беседовали на разные темы. Он, несмотря на своё мусульманское происхождение, уважительно отзывался об иудейской религии, считая её наивысшей из религий.

Когда мы уезжали, хозяин кафе пришёл к автобусу с тя-жёлкой ношей: в одной кульке был кусок свежей баранины, в другой - арбуз, внутренняя часть которого была залита спиртом.

- Когда приедешь в Пятигорск, разрежешь баранину на шашлыки. Арбуз при помощи шприца я заправил спиртом, неделю он простоял в холодильнике. В Пятигорске срежешь верхушку и выпьешь за моё здоровье.

Должен признаться, что подобного, удивительно приятного напитка-коктейля пить мне ещё не приходилось...

С грустью покидали мы Долину нарзанов. В прощальном концерте мы спели на мои слова куплеты на мотив песни «Хорошо!»:

Солнце здесь за облаками - это хорошо.

Что туман висит над нами - тоже хорошо.

Телевизора здесь нету, магазинов тоже нету -
Это очень, очень хорошо.

Каждый день шашлык мы ели - это хорошо.
Дружно пили, песни пели - тоже хорошо.
Что в столовой очень чисто, что приветливы
туристы,
Это очень, очень хорошо.

ВОЛГА И ДНЕПР

Круиз по Волге начинался в Ростове, куда мы приехали поездом. В Ростове в это время была невероятная жара, которую в Израиле принято называть «хамсином». (Кстати, сегодня у нас хамсин. Ничего, выстоим! Будем пить много воды).

Жена вечером в каюте повесила платье, чтобы оно за ночь выправилось. А утром (о, ужас!) она обнаружила, что платье укоротилось наполовину.

Мы посетили многие города на Волге. Огромное впечатление произвёл Волгоград. Мы посетили памятные места, связанные с героической обороной. Воздали должное мемориалу воинам-освободителям.

О достопримечательностях других городов на Волге можно долго писать. Однако я хотел бы уделить внимание не городским, а «речным» впечатлениям, связанным с остановками в живописных местах.

Мы часто останавливались в таких живописных местах, где были замечательные пляжи, где можно было рыбачить, собирать грибы или ягоды, срывать фрукты, покупать тараньку – жирную, с икрой.

Предлагаю вам, дорогие читатели, историю под кодовым названием «Операция Таранька».

Когда наш теплоход причалил к живописному берегу, местные жители сообщили нам интересную

информацию. Если на нанятой лодке добраться до одной маленькой деревушки, то там по дешёвой цене можно купить любое количество тарани и даже такую деликатесную рыбу, как рыбец.

Группа из четырёх энтузиастов на лодке добралась до рыбной деревни. Тарани было действительно много. Все, как на подбор: одна в одну. А вот рыбец не было. Мы по дешёвой цене закупили большую партию тарани и, отоварившись, возвратились на теплоход. На палубе мы организовали застолье: помидорчики, огурчики, редисочка... Конечно, пиво и неперменная водочка. Ну а о привезенной тараночке и говорить нечего. Она была в центре нашего внимания.

Вдруг в разгар пиршества жена и говорит:

- Ребята, честно, у меня во рту что-то шевелится...

Мы как глянули - а в тараньках черви, один больше другого... Я мигом налил Нонке стакан водки и заставил залпом выпить. А потом... Потом, скрепя сердцем, с таким трудом добытую рыбу выбросили за борт...

За время круиза я сочинил песню. На большом листе бумаги написал слова крупными буквами, и когда туристы собирались на палубе для очередного мероприятия, под аккомпанемент моего аккордеона они пели:

Эту песню сложили туристы.
О прекрасном круизе своём.
В этой песне запев неказистый,
Но его мы с любовью поём.

Припев:

По Волге, по Волге плывёт теплоход.
А на теплоходе туристский народ.
Красавица Волга, поющий народ.
Да здравствует дружба! И с песней вперёд!

Мы единю дружной семьёю
По красавице-Волге идём.
Если грустно нам станет порою –
Эту песенку вместе споём.

А вот круиз по Днепру оставил у нас серое впечатление. Те же остановки в небольших городах, не очень интересные экскурсии. Не покидало впечатление, что днепровские и волжские видовые ситуации одинаковы, что они давно знакомы. То ли экскурсоводы были серыми, то ли настроение было серое - скорее всего, и то, и это!..

Когда-то давно, когда я работал культработником в доме отдыха, мне мой директор говорил: «Запомни, Ким! Погоду в доме отдыха делают быт, шеф-повар и культработник». Конечно, культработы на нашем теплоходе не было.

Вот объявление по радио: «Дорогие туристы!
Послушайте распорядок дня на сегодня:

Завтрак. Отдых на палубе. Загорайте себе на здоровье!

Обед. Мертвый час. Засыпайте себе на здоровье!

После сна шахматы, шашки, домино, библиотека.

Играйте и читайте себе на здоровье!

Ужин. Танцы. Танцуйте себе на здоровье!»

Заручившись поддержкой культработника теплохода, я решил проявить инициативу. Следуя пословице «спасение утопающих - дело рук самих утопающих», провёл несколько развлекательных вечеров. Используя свой опыт в одесских домах отдыха, я предложил скучающим туристам игры, загадки, пословицы и поговорки, массовое пение на палубе, конкурсы, концерт самодеятельности. Жизнь на теплоходе стала интересной и содержательной.

Как-то утром меня пригласил к себе капитан теплохода:

- Не хотите ли вы с нами ездить весь летний сезон? Мы будем платить вам зарплату.

Я отказался. Тогда он открыл холодильник и вытащил оттуда три банки чёрной икры:

- Пусть хоть этот подарок напомнит вам о моей благодарности за ваши добрые дела

Во время путешествия по Днепру я разучил с туристами песню:

Сели мы, друзья, на теплоходик.
Все его «Алданчиком» зовут.
У него довольно тихий ходик.
Скромный очень у него уют.

Днепром, Днепром плыть не интересно.
Культрабoты не видать ничуть,
Можно здесь со скуки удавиться,
Можно здесь со злости утонуть.

Культрабoта здесь, друзья, что надо,
День и ночь веселье хоть куда,
Пьём вино и водку до упада,
Остальное всё нам ерунда.

Или мы садимся за картишки,
Или забиваем мы «козла».
Не нужны ни старые нам книжки,
Ну и культрабoта не нужна.

\

С Е Л И Г Е Р

Туристская судьба забросила нас на озеро Селигер, расположенное в северной части России. Это живописное место насчитывает до восьмидесяти мелких и крупных озёр. В непосредственной близости от главного озера Селигер расположена туристская база «Сокол».

На некотором расстоянии от основной базы разместился лагерь, состоящий из двухместных маленьких деревянных коттеджей. Там и разместили туристов из Одессы. Нас не смутило отсутствие в домиках элементарных туалетов. Романтика дикости нас даже радовала.

Гвоздём туристской программы конечно же была рыбалка. Рыбачили сотни людей. И мужчины, и женщины. Как только рыба в Селигере уцелела! На турбазе был склад, где выдавали туристам напрокат рыбацкий инвентарь: лодки, удочки, сачки и другие приспособления лова.

На рыбалку мы ходили вместе с нашими соседями, молодыми и симпатичными. Соседи - супружеская пара по фамилии Лелеки. На лодке мы уезжали в тихие рыбные места озера. Какой был азарт! Какой был клёв! Сердце замирало при виде дрожащего поплавка. Правильно говорили древние мудрецы, что боги не засчитывают время, проведенное на рыбалке. Трудно придумать более интересную форму отдыха! Особенно везло моей жене Нонке. Её корзинка с рыбой всегда была тяжелее нашей.

Почищенную рыбу мы относили на кухню. На обед нас всегда потчевали вкуснейшей, духмянной ухой, варёной или хрустящей жареной рыбой.

Мне почему-то показалось, что основой нашего сближения с четой Лелеков были ежедневные

предобеденные «по сто грамм», но я ошибся – эта пара ценила в нас непосредственность и, если хотите, наше умение притягивать к себе людей.

- Вы как будто мёдом намазаны, к вам, как мухи, липнут люди, - говорили они.

Через несколько дней нашего пребывания на турбазе вся наша одесская группа собиралась возле нашего коттеджа поболтать, пообщаться.

Путешествуя по окрестностям озера Селигер, бывая в разных населённых пунктах, в том числе и в центральном городе Осташково, мы обратили внимание, что Бог обделил этот северный край продовольственным изобилием. Магазинные полки были, как правило, пустыми. Зато в нашей столовой питание было великолепным. Нас кормили «как на убой»: вкусно, обильно, разнообразно.

Культмассовая же работа оставляла желать лучшего. Она сводилась или к кино, или к танцам. Как-то я разговорился с культмассовиком турбазы:

- Давай, Серёжа, я проведу несколько развлекательных вечеров с туристами!

- Ради Бога, - ответил он.

Я воспользовался испытанной методикой, опробованной неоднократно. Провёл несколько вечеров загадок, викторин и прочих развлечений.

А перед нашим отъездом я написал вальс «Прощай, Селигер» - и слова, и музыку. И в один из вечеров, на огромной танцплощадке, написав на обойной бумаге текст песни, я, аккомпанируя себе на турбазовском аккордеоне, разучил этот вальс. Вот его слова:

Вот наступила грустная наша пора,
Все мы туристами были только вчера.
А сегодня автобус придёт,
Нас, туристов, домой увезёт.

До свидания, «Сокол»,
В сердце нам ты запал.

В этот час расставания
Мы споём на прощание:
«До свиданья, туристы –
Час прощанья настал».

Привет: Удивительный край,
Селигер наш, прощай.
Мы с тобой расстаёмся,
Но мы вспомним не раз,
Как в походы ходили,
Как мы рыбку ловили.
Селигер наш любимый,
Через год жди ты нас.

Хочу добавить, что когда наша группа уезжала с турбазы, сотни туристов, провожая нас, пели этот вальс.

С У Х У М И

Я обещал, дорогой читатель, ещё раз возвратиться к теме о своих друзьях Владике Лукашове и Яворском. Хочу сдержать своё слово.

Как-то раздался звонок. Звонил Владик Лукашов:

- Ким, мы сейчас с Эдиком Яворским отдыхаем в доме композиторов в Сухуми. Из разговора с директором мы поняли, что есть возможность приобрести путёвки для тебя и Ноны. Жильё для вас мы нашли. Приезжайте!

У Ноны как раз был летний отпуск. Ну, мы и поехали.... Жильё, как оказалось, было

отвратительным: земляные полы, узкая кровать, туалет на улице.

- Я здесь находиться не могу. Поговори с директором «Лилэ» (так назывался дом отдыха композиторов), - заявила Нона.

- Мест нет, - сказал директор. - Ваши друзья живут в комнате-«люкс». Не буду возражать, если они потеснятся и поставят раскладушки для вас.

Так мы и поступили.

Двенадцать дней пролетели как одно мгновение. Это был не отдых, а праздничная феерия, на которую могут быть способны только люди искусства.

Просыпаясь утром, Владик кричал: «Нона - кавы!». Помните? Точно так он кричал на даче в Одессе. После завтрака мы уходили или на пляж, или в город. Трудно описать все прелести этого жизнерадостного, солнечного курортного города! Особенно большим спросом пользовалось отличное местное вино «псоу». Возвращаясь из города, каждый из нас тащил две авоськи, нагруженные этим прекрасным напитком.

Псоу мы потребляли в неограниченном количестве. Оно бодрило, воодушевляло, поднимало тонус, делало наше настроение весёлым и праздничным. Я как-то не поленился и, используя свои математические способности, подсчитал, что за двенадцать дней пребывания в Сухуми наш дружный коллектив опорожнил сто двадцать бутылок псоу.

ОДЕССКИЙ ПАНСИОНАТ «СТРОЙГИДРАВЛИКА»

Не могу обойти вниманием пансионат «Стройгидравлика», расположенный в родном городе в районе Аркадии. Своё название этот пансионат получил от завода «Стройгидравлика», которому он тогда принадлежал.

Попасть в этот пансионат простым смертным было совсем не просто, но «через заднее крыльцо», как говорил Аркадий Райкин, «очень даже возможно». У нас он пользовался повышенным спросом. Мы отдыхали в нём почти каждый год. Условия для отдыха в пансионате были выше всех похвал: прекрасное питание, лечение, бассейны, сауна и даже спуск к морю на лифте, через туннель.

Вот почему вся одесская элита стремилась попасть в этот пансионат. И не только одесская. В пансионат приезжали известные артисты Гафт, Евстигнеев, режиссёры театров и кино. У нас там была своя постоянная компания, с которой мы дружили не только в «Стройгидравлике». Я даже написал куплеты на известную мелодию из кинофильма «Высота»:

Мы не шуты и не забавники.
Мы все сейчас поём всерьёз.
Ребята мы из «Стройгидравлики», да,
И в этом состоит вопрос.

Мы добрым словом обязательно
Свой отдых будем вспоминать.
В нём стали мы друзья-приятели, да,
И дружбу будем сохранять.

Так мы каждый раз пели, садясь за обильно накрытые столы, ломящиеся от разных деликатесов в каком-нибудь из наших номеров. Однажды наш приятель со времён далёкой юности Сеня Зельцер, в прошлом одессит, а в настоящем москвич, сказал:

- Я еду в аэропорт встречать друга, который будет здесь с женой отдыхать. А вы в моём домике (он жил

отдельно от главного корпуса) накройте стол и приготовьте всё необходимое для встречи гостя.

К назначенному времени ни друга, ни его жены не было. Мы разошлись по своим комнатам. Через пару часов раздался звонок. Звонил Сеня:

- Извините! Мы задержались. Милости просим к нам на ужин!

В домике Сени нас встретил Евгений Евстигнеев со своей очаровательной молодой женой.

- Знакомьтесь, Женька Евстигнеев.

Сеня Зельцер работал директором крупнейшего гастронома Москвы. Это был всемогущий и знающий всех знаменитостей страны человек. Он остроумием, добротой притягивал их. А, главное, он был одесситом. Кто-то сказал, что «одессита всегда узнают по разговору, шуткам и походке». Сеня без подобострастия относился к знаменитостям. Они у него шли по именам: Женька, Колька, Вовка...

Мы за столом просидели до глубокой ночи. А в разговоре, хваля одесские деликатесы, Сеня неожиданно сказал:

- А как наша Нонка умеет готовить своё фирменное блюдо: вареники с вишнями! Пальчики оближешь!

- В таком случае, - пробасил Евстигнеев, - я напрашиваюсь к вам на вареники с вишнями.

Через пару дней мы принимали у себя дома всю «стройгидравлическую» компанию с четой Евстигнеевых. Хочу пару слов сказать о самом Евгении Евстигнееве. Ни тени гонора, свойственного некоторым знаменитостям - за столом сидел простой, пронизательный и умный собеседник. Обратив внимание на мой портрет, где я сижу в творческом раздумьи за роялем, он сказал:

- Я полагаю, что вы композитор. Могли бы вы исполнить что-нибудь из своих произведений?

Я сел за пианино. Евстигнеев поближе придвинулся ко мне. Боже, с каким вниманием он слушал «Мои тополя». А в конце песни даже прослезился... Прошло много лет. Великий Евстигнеев умер. Остроумный Сеня Зельцер умер. Этих людей я никогда не забуду... Пусть земля им будет пухом!

ТУРЦИЯ - ГРЕЦИЯ

Этот круиз мы осуществили отсюда, из Израиля. Плыли на теплоходе «Одесса-сан» по маршруту Хайфа-Турция-Греция-Хайфа. Поездка оставила неизгладимое впечатление. Я не буду подробно описывать достопримечательные места Турции и Греции. Рамки этой книги слишком тесны для передачи всех восторгов. Напишу о самом главном.

Теплоход, на котором мы совершали путешествие, принадлежал одесской туристической компании. Весь экипаж, включавший в себя красавца-капитана, удивительно похожего на Кикабидзе, очаровательных стюардесс и прочего персонала, состоял из настоящих, так близких моему сердцу земляков. По существу, теплоход представлял собой маленькую территорию милой Одессы. Всюду был заметен знакомый одесский колорит. Витал дух моего родного города.

Особое впечатление на меня произвела встреча с ансамблем музыкантов. Ребята оказались моими хорошими знакомыми по Одессе. Тогда я был дирижёром Объединения музыкальных ансамблей (ОМА) г. Одессы.

Система обслуживания на теплоходе была выше всяких похвал. Стол был шведским. Кормили «как на убой». Нас обслуживали молоденькие и по-одесски привлекательные официантки, которые с мгновенной

быстротой выполняли любую нашу просьбу. В конце круиза был объявлен конкурс на лучшее исполнение какой-либо песни. К этому конкурсу я написал куплеты на знаменитую песню Богословского «Песня извозчика».

Только глянет на корабль утро раннее,
Потихоньку волны плещут за бортом.
Выплывают пассажиры «на задание»,
Походить, смотреть на море, а потом
По-шведски завтрак чтоб поестъ, да с русской
булочкой,
По-израильски наполнить животы,
Повстречаться с симпатичной нашей
Любочкой,
Со взглядом, полным и тепла, и доброты.

Привет: Вперёд, старушка древняя,
«Одесса-сан» - нам верная,
По волнам иди легко.
У нас дорога длинная,
С экскурсиями и винами,
Пока до Хайфы далеко.

О еде, наверно, нету смысла говорить,
«На убой» что нас кормили – это факт.
Официанток разве с вихрем можно бы
сравнить –
Есть терпенье к нам и есть, конечно, такт.

Вот настало время, братцы, песню закруглять,
На прощанье мне хотелось пожелать:
Персоналу своё обаянье не терять,
Капитану и команде – «так держать!»

Привет: Вперёд, старушка древняя,
«Одесса-сан» нам верная,
Нас вези теперь домой.
Была дорога длинная,
С экскурсиями и винами –
Скоро Хайфа за кормой.

Как вы догадываетесь, первое место жюри присудило мне. А капитан, обращаясь ко мне, сказал:

- Передайте куплеты нашим музыкантам. Они их выучат и будут исполнять в каждом круизе.

Вот так, мои дорогие...

ИЗРАИЛЬСКИЕ ЭПИЗОДЫ

Теперь поговорим, дорогой читатель, на израильскую тему. Ты скажешь, что эта тема достаточно подробно обсуждалась в первой книжке. Ты прав. Но со времени её издания прошло четыре года. У меня было время, чтобы вспомнить некоторые несправедливо забытые эпизоды. Да и за промежутки между первой книгой и второй могли произойти заслуживающие внимания другие события.

Это было вскоре после нашего приезда на Землю Обетованную. Как-то я и жена познакомились с одной супружеской парой. Супруги, коренные жители Израиля, говорили с нами на идиш. Узнав, что я музыкант, израильтянка спросила:

- Сумеешь ли ты (в Израиле нет вежливой формы обращения) на праздник Пурим сыграть несколько весёлых песен?

- Сумею, - ответил я.

- Вот и хорошо. Ты будешь играть, а мы будем петь. За работу мы заплатим 50 шекелей.

В назначенное время мы с женой пришли на пуриновское мероприятие. В просторном помещении одной из гостиниц были накрыты праздничные столы. За ними сидели нарядно одетые израильтяне. Человек пятьдесят. Я пел и играл на аккордеоне. Гости пили, ели и мне подпевали. Так прошло около двух часов.

- Пусть музыкант немного отдохнёт и поест вместе с нами, - сказал кто-то из гостей.

- Нечего ему отдыхать! Мы заплатили – пусть играет!

Мне стало не по себе. За кого нас принимают? Я демонстративно развернул футляр и положил в него аккордеон. Громко, чтобы слышали, сказал:

- Не выйдет! Мы, репатрианты, гордые люди. Мы не продаёмся и не покупаемся. С праздником Пурим!

И мы на глазах опешивших израильтян покинули зал.

А вот другая история.

Город праздновал День Победы. По главной улице шла многолюдная колонна ветеранов войны. Только вчера состоялся праздничный вечер, на котором наш хор «Шалом» исполнил мою песню на слова Бориса Брусиловского «День Победы»:

Идёт колонна, в орденах солдаты,
С кровавых к нам пришедшие полей,
Успевшие дожить до светлой даты,
Не превратившись в белых журавлей.

Пройдя главную улицу, колонна заняла места в «Амфитре» Нетании. По договорённости с муниципалитетом хор должен был исполнить шесть песен. Перед нами выступал солист, который

злоупотребил регламентом. Песни были заунывными, никак не соответствовали духу праздника. Зрители начали постепенно расходиться. Ко мне подошёл заведомо культуры и сказал:

- Вместо шести пойте четыре песни! Видите, как публика ведёт себя!..

- Ладно. Четыре так четыре.

Мы начали петь. Зрители с большим вниманием слушали выступление нашего хора... После двух исполненных песен шеф культуры жестом подал сигнал, что пора сворачивать выступление.

Я оставил сцену, подошёл к шефу и сказал:

- Пока хор не исполнит все четыре песни - я со сцены не уйду.

- А я выключу микрофоны!

- Попробуйте только! Я подниму весь зрительный зал!

Мы исполнили четыре песни, а потом я подошёл к заведомо культуры и сказал на идиш (по-русски он не говорил):

- Я знаю, что вы нас, русских олимпов, не любите, но запомните: будущее Израиля в наших руках.

Много раз потом он мне портил нервы. Так продолжалось до тех пор, пока его не переизбрали.

За многие годы в нашем хоровом коллективе установились определённые традиции. В начале сентября, когда собирается хор после двухмесячных каникул на первую репетицию, я пою гимн хора на стихи мои, на музыку А. Пахмутовой:

Пока я ходить умею,
Пока ползти я умею,
Пока я дышать умею
На хор буду я ходить

И в дождь, и в ветер,
«Хамсин» когда метёт,
Меня моё сердце
К хористам всегда ведёт.

А вот ещё одна традиция. После каждого нашего выступления, посвящённого Дню Победы, мы отправлялись на пикник. Располагались на берегу моря под большим тентом. Мы раскладывали провизию, прихваченную из дома. Основательно подкрепившись, мы открывали развлекательно-увеселительную программу. Под аккомпанемент моего аккордеона пели массовые песни о войне и другие песни с хорошо знакомыми мелодиями. Включали в репертуар и хорошие израильские песни.

Случайные прохожие, среди которых немало приезжих туристов, поневоле останавливались около поющего коллектива, сначала робко пританцовывали под нашу музыку, а потом вливались в нашу хоровую семью.

Только сегодня на репетиции хора я предложил продолжить традицию на берегу моря. И что же услышал:

- Конечно это хорошая традиция. Но далеко шагать к месту, где мы обычно встречаемся!.. Здоровье не то! Да и годы не те...

Да, постарел мой хор. Многие ходят с палочкой. Часто некоторые хористы пропускают репетиции по причине болезни. Но голоса звучат, как прежде. Но огонёк в глазах прежний. И желание участвовать в концертах прежнее...

И, наконец, третья традиция нашего дружного хорового коллектива: предканикулярный сабантуй. Один из хористов как-то предложил:

- Мы посещаем репетиции хора десяток лет. Мы - единая сплочённая семья. Но мы мало знаем биографии друг друга: о том, кто кем был в прошлой жизни. Пусть каждый кратко расскажет о себе!

Предложение всем понравилось. Это был незабываемый экспромт. Раскрылись души многих с виду малоприметных людей. Оказывается, в хоре поют врачи, инженеры, начальники цехов, математики, учёные.

Я подумал: вот я уже пишу вторую книгу о своей жизни. А ведь у каждого хориста в прошлом была, быть может, не менее интересная и содержательная жизнь, заслуживающая не меньшего внимания. Только не каждый имеет возможность написать книгу о ней. Пусть каждый побольше расскажет о себе. И пусть эта инициатива станет традиционной на наших вечерах.

Закончить повествовательную часть книги я хотел бы такими словами:

- Дорогие хористы! Хорошо, что есть вы, что есть единая хоровая семья и, наконец, хорошо, что есть я, ваш бессменный руководитель, по гороскопу Лев! А Лев, между прочим, всегда остаётся Львом. Большое вам спасибо!

Пусть ещё много лет продлится это хоровое чудо!

СЕМЕЙНЫЕ СТИХИ

Стихотворчеству своему и моих детей я решил посвятить отдельную главу. Ни я, ни мои дети не заслужили иного решения. Пусть стихи кому-то покажутся не очень профессиональными и даже несовершенными, но вы, дорогие читатели, откроете ещё одну грань нашего семейного таланта.

МОИ СТИХИ

Мне часто приходилось дарить друзьям разные сувениры. К каждому подарку я прилагал сопроводительное четверостишие. Что из этого получилось - судите сами!

Открывалка

Всех бутылок открывалка.
Я дарю тебе - не жалко!
Ей сумеешь, может быть,
Душу женскую открыть?

Барометр

Тебе хочу сказать, друг мой:
Любовь чтоб к мужу не погасла,
Барометра стрелку так настрой,
Чтобы всегда показывала «ясно»!

Зеркальце

Не лишь для того, чтоб глядеть на себя,
Оно позволяет к тому же
Одновременно: супруга любя -
Смотреть на чужого мужа...

Дудочка

Когда на душе тоскливо,
Невесело, грусть через край,
Ты в руки возьми это диво
И танец «Семь сорок» сыграй!

Обувная щётка

Присутствие обувной щётки -
В хозяйстве нет лучшей находки!
Известно с древнейшего века,
Что обувь - лицо человека.

Ножницы

Сувенир мой не в бровь, а в глаз.
В пословицы надобно верить!
Отрезать всего только раз,
Но прежде - семь раз отмерить!

Ножной рожок

Предмет зовётся «рожок».
Но слышу я тонкий намёк:
Хорошо, что рожков не два -
Усекаешь мои слова?

Колокольчик

Бей, колокольчик, бей!
Твой звон соберёт друзей.
Пусть знает каждая кроха:
Без дружбы тоскливо и плохо.

Теперь, дорогие читатели, хочу предложить вашему вниманию стихотворение, написанное к свадьбе моего сына.

Ну что сказать тебе, мой сын?
Мы с мамой в том не виноваты,
Что ты теперь уж не один,
Что ты теперь уже женатый.

Что из-под нашего крыла
Ты улетаешь в путь далёкий,
Но путь совместный у тебя,
Ты в нём не будешь одинокий.

А виновата в том она,
Та, чьи глаза чернее ночи.
Пусть будет верная жена.
А нам пусть будет дочкой.

Ну что сказать вам, дорогим?
Мы вашей свадьбе очень рады.
Законы жизни, мы их чтим.

Им подчиняться, дети, надо!

Ведь жизнь - не поле перейти.
В ней есть вопросы, запятые.
Дорогу верную найти
Помогут близкие, родные.

Они умеют долго ждать,
Молчать, прощать детей ошибки,
Но не умеют забывать
Своих детей и их улыбки.

Всё это помни ты, наш сын.
И помни вплоть до сотой даты!
Ведь ты теперь уж не один.
Ведь ты теперь уже женатый!

А вот поздравительное стихотворение, посвящённое
свадьбе моей дочери.

Я поднимаю свой бокал
За брак без брака, быт без драки,
Любовь без враки,
А жизнь со вкусом.

За радость встреч, за боль разлуки,
Чтоб вы не знали, что такое муки,
За то, чтоб не зевали вы со скуки,
Чтобы трудились ваши руки –
И для искусства, и для науки.

За то, чтоб счастливо вы жили,
Старались чтоб – друг другу уступили,
Чтоб животов себе вы не нажили,

Чтоб «гроши» вы не транжирили,
А рубль к рублю себе копили
(Возможно, для автомобиля).

Мой тост за то, чтоб вы друг друга
уважали,
Чтоб вы друг другу помогали,
Чтоб вы друг другу уступали,
И чтоб в труде усталости не знали.

Я поднимаю этот тост
За близость душ, сердец родство.
Пусть счастье, радость – в полный рост.
За вас, за ваше торжество!

Теперь речь пойдёт о внуках. Их у меня четыре. Они не забывают дедушку и бабушку. В декабре прошлого года приезжала внучка Вика из Сан-Франциско по путёвке еврейской общины Калифорнии. Гостила у нас со своим «бой-фрэндом», по-нашему «хавером». Через десять дней приехал из Сан-Франциско наш старший внук Артур со своей «хаверой».

Своё двадцатипятилетие Артур отмечал в одном из ресторанов Нетании. Я написал по этому поводу стихи интимного характера, назвав их «Я помню». Но мне хотелось, чтоб стихи остались надолго в памяти не только внука, но и его детей, моих правнуков.

Я помню день твоего рождения,
И, не скрывая радости своей,
Я в честь такого дня стихотворение
Экспромтом написал для матери твоей:

Видать, страдала ты не зря,
Коль родила богатыря.
А чтоб он был всегда здоров,
Носить он должен имя тех отцов,
Которых нет уже в живых.
Но помнить мы должны о них.
Они нам дали жизнь и свет,
А мы по ним должны оставить след.
Я помню день твой первый школьный,
Я помню, что сказал тебе тогда:
Не делай ты, мой внук, что хочешь,
А делай то, что надобно всегда.
Ещё сказал тогда тебе,
Просил об этом помнить, не забыть:
«Коль хочешь мир ты победить –
Себя сначала надо победить».
Я помню, как тогда, на даче,
Когда так вкусно пахло наверху –
Скорее к нам наверх ты мчался
Поесть «втихую» свежую уху.
Я помню, перед нашим как отъездом
С последнего урока ты сбегал,
Таскал как ящики, как ты старался,
Как паковаться помогал.
Я помню первый в Сан-Франциско наш
приезд,
Я помню всё, каким ты гидом был хорошим,
Я помню, как ты нас водил везде,
Я помню, в парке как кормил ты лошадь.

Я помню первый твой приезд в Израиль,
Я помню тот конверт, который ты оставил,
Читал тогда, восторга не скрывая,
Не от того, что было в нём, а от послания.
Я помню всю Лас-Веговскую сказку,
Как ты старался, не жалея сил,
Как окружал ты нас не только лаской,
Как нам сюрпризы ты преподносил...

Дала тебе природа, без сомнения,
Большое сердце, душу, рост.
Хочу сегодня, в день твоего рождения,
Я для тебя сказать свой тост:
За доброту, которой нет границы,
За щедрость, красоту и ум,
За то, чтоб выбрал ты девицу
Себе по духу твоему.
За то, чтоб счастье и здоровье
С тобою рядом шли всегда.
Чтоб окружён ты был любовью,
Чтоб грусть не знал ты никогда.
А мы с бабулей подождём,
Когда появится и третье поколение,
Когда на наших на коленях
Воссядут правнуки вдвоём!

Артур в этом году женился на той девушке, с которой приезжал в Израиль. Сейчас эта влюблённая пара живёт в Лас-Вегасе. Даст Бог - доживём и до правнуков!

Я уже писал, что у меня четверо внуков. Еще три. Ещё каждому надо посвятить стихотворение. Вот посвящение Вике, единственной внучке среди внуков.

У тебя к учёбе тяга...
Молодец! Учёба - благо.
Успеваешь ты везде
И в учёбе, и в труде.

Капиталы правят миром.
Нынче стала ты банкиром!
Хорошо ты знаешь дело.
В банке крупном заведомом.

С детства у тебя призвание:
Быть душой большой компании.
Лидер ты в большом и малом.
У тебя друзей навалом.

Смех и хохмы, тары-бары...
Внучка, стоп! Нельзя без пары.
Сложив руки не сиди.
Друга ты себе найди!

А пока что на прощанье
Вот от деда пожеланье:
Коротко без многословья
Желаю счастья и здоровья!

В Нетании у меня есть внук Рома. Вот посвящение
ему в день «бар-мицвы».

Сегодня ты ещё мальчик.
А завтра уже юноша.
Забудь, что было раньше!
Думай, что будет в будущем!

Помнишь, тебе я твердил,
Говорил, поучая тебя:

«Хочешь победить мир -
Раньше победи себя!»

Забудь слово «хочу»,
Помни слово «надо».
И если ты это поймёшь -
В жизни ждёт награда.

У человека есть разум.
И эмоции есть у него.
Давай подумаем сразу,
Что впереди чего.

Эмоции колы впереди,
Человек, того не ведая,
Сам себе вредит
И много глупостей делает.

А почему? А потому,
Что делает он без разума,
А разум нужен ему,
Разум – человека база.

Недаром разум – он,
А эмоция – она.
Он – первый во всём,
Она – второй быть должна.

(Адам по Торе был первый,
Потом появилась Ева).
Есть в человеке часть души.
Это – настроение.
Есть в человеке часть характера .
Это – лень.
Если первое владеет человеком,

Это – преступление.
Если болен вторым человек,
Этот человек – тень.
Настроение влияет на лень,
Лень - на настроение.
Остерегайся их каждый депнь,
И найдёшь удовлетворение.
Есть несколько слов,
Запомнить легко их очень.

Но выполнить их – порой
Нехватает мочи.
Какие слова? Вникай:
«На место», «Опрятность»,
»Вовремя», «Порядок».
Выполнишь их – знай –
Все будут очень рады.
Я много уже написал,
Много советов дал.
Пора уже закруглять,
Осталось тебе пожелать:
Если хочешь быть здоровым - будь!
Если хочешь быть красивым – будь!
Если хочешь быть умелым – будь!
Если хочешь быть счастливым – будь!
А для этого мало нужно:
Все советы выполнять – нужно!
Папу с мамой уважать – нужно!
Поздно, поздно не гулять – нужно!
Никого не обижать – нужно!
Вот, мой внук, что я хотел сказать,
Ко дню рождения хотел что пожелать.

Ещё пару четверостиший я посвятил самому младшему внуку Виле в день его совершеннолетия («бар-мицвы»):

Вчера ты был мальчик - сегодня мужчина.
Совет наш запомни: всё-всё впереди!
Чтоб стать человеком высокого чина,
Поставь себе цель и к ней смело иди!

А теперь, дорогой читатель, наступило время предложить твоему вниманию стихи моих детей Бориса и Полины.

СТИХИ БОРИСА

ПАПЕ К 75-ти ЛЕТИЮ

(В ресторане Сан-Франциско)

Сейчас, вдали от солнечной Нетаньи,
Расслабившись, сидим, забыв про пост.
Мы в Сан-Франциско, городе туманов,
За папу поднимаем первый тост!

Пускай жарой не балует нас август,
Но жар у нас горит сейчас в груди!
Нам кажется, что это все - неправда,
Что 75 - лишь где-то впереди!

А телефон трещит от поздравлений,
И грузчики подарки тащат в дом.
И папа наш - "вечнокрасивый гений"
Об этом песню сочинит потом.

Пускай она сквозь времена прорвется,
И вздрогнет, зачарованно, эфир,
Пускай о Молдаванке в ней поется,
Где папу в 25-м встретил мир.

И вот сидят друзья, родные, дети;
От тостов уж кружится голова.
Звенят вставные зубы, рюмки, вилки...
Рекою льются теплые слова -

О Киме! Музыканте, Человеке!
Он - светлый ум, природный интеллект.
Он Божьей искрою отмечен был навеки -
Средь миллионов избранный "объект"!

И вот сидит пред нами человек,
Которому всегда подвластны звуки.
Они его прославили навек,
Не может папа с ними жить в разлуке.

Всего семь нот в гармонии живут.
Он с ними счастье пережил и муки!
Я помню, как взволнованные руки
Летали над роялем там и тут...

И был успех! И даже Дунаевский
В почтении пред папой шляпу снял!
Заполнен музыкой театр Одесский,
И Богословский дружески обнял.

Кому наш папа только не писал:
И песни для Шульженко, Пугачевой -
Он к их ногам творения бросал
В стране, когда-то, красно-кумачевой.

Но больше всех слагал он песен Маме!
Она его ведь Муза во-плоти!
Чтобы из искры не погасло пламя,
Прошу, мамуля, ты ему свети.

Он - муж прекрасный! Он - отец-герой!
Но человеческое - нет, ему не чуждо.
Он - милый, мягкий, нежный и родной.
И обнимают папу дети дружно.

Ну что ещё сказать о папе?
Он солнцу утром ежедневно рад.
Он молится о детях, внуках, маме.
«Спасибо Богу», - говорит стократ.

Он просит Бога нам во всем помочь:
Чтоб солнце нам дорогу освещало,
Чтоб никогда нас не коснулась ночь,
Чтоб наша жизнь ничем не омрачалась.

И ты не огорчайся, дорогой,
Что мы живем от вас в стране неблизкой.
Ведь отмечаем Юбилей мы твой
Сегодня на земле Калифорнийской.

А в дни, когда с тобою мы в разлуке,
Нам снятся в предрассветной тишине
Твои глаза, натруженные руки,
И добрая улыбка на лице.

И я хочу, папуля, пожелать,
Чтоб мог почаще ты у нас бывать,
Чтоб маму нежно, как всегда, любил,
И хором еще много лет руководил.

Чтоб весел был, активен и здоров.
Не беспокоил сильно докторов.
И радовал своею жизнью всех!
Мы пьем за Главный Жизненный Успех!

*СТИХИ, ПОСВЯЩЁННЫЕ МАМЕ И ПАПЕ,
В ДЕНЬ ИХ ЗОЛОТОЙ СВАДЬБЫ*

День нынешний, как Золотом, сияет,
И освещает лица «молодых»,
Которые сегодня отмечают
Полсотни лет, совместно прожитых.

Я изменю себе на этот раз.
Пусть наша с Пушкиным вздохнёт на время лира,
Решил о всём поведать без прикрас
Я языком великого Шекспира.

О, дорогие мама с папой!
Хоть рождены вы были не в Вероне,
Своей любовью потрясли устои
Прекрасной нашей матушки-Одессы.

Была мамуля нежной, как Джульетта.
И, поражая встречных красотой,
С достоинством несла свою фигуру
По улицам одесским, площадям.

Умом своим и живостью блистая,
Она таки сумела стать студенткой!
Преодолев известные препоны,
Прорвалась в Медицинский институт.

Проверила на зуб гранит науки.
Узнала то, что сердце ведь не камень.
И что его, издревле, сразу лечит,
Как всем известно, - страстная любовь.

И вот она пришла к красотке Ноне!
Ведь в папином лице она узнала
Свою Судьбу! Симптом давно известный -
Повышенный в крови адреналин.

А папочка, сражённный красотой,
В любви ей без сомнения признался...
И встретил их в далеком 51-м
Дворец районный Счастья и Любви!

С тех пор, семейным следуя канонам,
Мы в этот день, к 12-ти, к полудню,
К Дворцу толпой семейной приходили,
И слышалось 3-х кратное "Ура"!

За эти годы папа посвятил Ей -
Своей любимой, доброй, нежной Ноне,
Романсы, песни, даже оперетты,
И к стройным положил ее ногам.

Стихи любви из уст его звучали.
Ведь знают все - вначале было Слово!
Он в уши маме лил эфир словестный,
И таяла мамуля от любви...

А от любви большой рождаются дети.
Без них в семье нет счастья и покоя.
Вот так и мы, покой тогда нарушив,
Явились в мир на радость молодым.

И на себе любовь их ощутили.
А мы в ответ их так всегда любили,
Что трудно даже выразить словами
Свою любовь к родителям моим!

Живя с рожденья в мире дивных звуков,
Питая корни праведным бальзамом,
Мы в небо вознеслись прекрасной кроной,
Вобрав в себя родителей черты.

Их доброту, любовь и воспитанье,
Достоинство, талант и благородство.
И детям передали по наследству
Очень важные черты.

Пусть в ваших внуках ваша жизнь продлится!
Для них во всем вы служите примером.
Вы - как родник, который источает
Глоток воды кристальной чистоты.

Вы для друзей - восторг, очарованье!
Хоть разбрелись они по белу свету,
Но в этот день к вам все сюда слетелись,
Отметить ваш счастливый юбилей.

Так пусть же на земле обетованной,
Где каждый камень дышит стариною,
Где пыль веков давно лежит повсюду,
Где центр Земли - святой Иерусалим,

Поют повсюду скрипки и цымбалы
И славят вас, родные, всем на радость.
Вы, как герои славного Шекспира,

Любовь свою несёте столько лет!

Да будет так! Как сказано в преданьях -
Мы сдвинем кубки с пеною игривой!
Пускай она по жилам растечется
И будоражит память Молодых...

Так поцелуйте же сейчас друг-друга!
Пусть поцелуй баш будет очень сладок.
Ну кто сказал, что он на свадьбе - горький?
Пусть длится он еще лет пятьдесят!

Здоровья вам мы все сейчас желаем,
Чтоб обошло ненастье стороною.
И чтобы мы в сегодняшнем составе
Ваш встретили столетний юбилей!

К 70-ЛЕТИЮ МАМЫ

Когда июльская жара
Спускается на пальм верхушки,
И запускаем мы с утра
«Кондиционер» на всю катушку,
И вспоминаем добрым словом
Причуды матушки-зимы,
На юбилей моей мамули
В Нетании собрались мы.

Хоть время быстро пролетело,
Но вы не скажете по ней.
Вы посмотрите, - как красива -
Ум, честь и совесть наших дней!
И хоть на торте юбилейном
Сверкают цифры «семь» и «ноль» -

Не можем мы поверить в это.
Она - прекрасна! В этом соль.

В эпоху чудного "застоя",
В Одессе, в солнечной дали,
У волн прекраснейшего моря
Все годы лучшие прошли.
И помнит маму южный город!
И в день рождения салют
Там прогремит! И под "семь-сорок"
Доску на Коблевской прибьют.

На Тираспольской там когда-то
Трудилась Нонка день и ночь.
Вся в белом. С клятвой Гиппократы
Гнала она болезни прочь.
Её любили и ценили.
Вся клиника - под каблуком...
Но вот послать ее решили.
В Израиль! Так решил Обком!

Вот встреча с родиной далекой -
Обетованной и родной.
Среди соседей - одинокой,
Но духом - сильной, боевой.
Их приютил приморский город,
Где волны плещут и шумят.
"Нам этот звук навеки дорог", -
Так папа с мамой говорят.

Остались в памяти "Соборка",
И Молдаванский флигелек,
И на Подбельского квартира,
И дачи тусклый огонек.

Остались в памяти спектакли -
Театра Русского венец;
Больных бесчисленные толпы,
Рыбалки, песни - наконец.

Друзья, капустников волнение;
И шум веселых вечеров;
Привоза сильное влечение,
И грусть покинутый дворов.
Стихов невиданных собрание,
Что папа маме посвятил.
"Они - на чистом первом месте!", -
Как он всегда нам говорил.

Покинув пляж на Амундсена -
Тот пляж, что всем так дорог был,
Мы разбрелись по побережьям.
Кто в море Красное заплыл,
Кто в Средиземном отдыхает,
В других морях найдя изъян.
А нам в далёком Сан-Франциско
Приют дал Тихий океан.

Судьба забросила далёко
Детей, и внуков, и друзей.
Но всё же ты не одинока -
Собрались все на юбилей.
Вот мистер Айзенберг с женою,
Вдали оставив Новый Свет,
Примчался, чтоб доставить Нонке
От всей Америки привет!

И слава Богу, что в Эйлате
Живут прекрасные друзья.
Там Миша, Элла там во злате...

Там дух одесский чую я.
Там Миша, на бегу, трусцою,
Напишет в честь жены сонет.
И Нонке пару строк порою.
Ведь знает Нонку столько лет!

А папа, ревностью томимый,
"Перчатку" бросит Мише вновь.
В их стихотворной драке (мнимой)
Победу празднует Любовь!
Любовь, с которой он сквозь годы
Нес Лиру, музыки творенье, -
Той Музе, что уже полвека
Зовёт он "Муськой" вдохновенья.

От нас живет она далеко.
Но знает - кто, и знает - с кем,
Когда, о чем, почему и сколько,
Где это было, и зачем.
Где сейчас Полинка обитает,
Кто самый умный из детей,
Что Ромка Вильку обижает...
Она, как кладёзь новостей.

Она всегда была жилеткой,
Где мог поплакать, кто хотел.
И на замке она хранила
Любые тайны наших дел.
Накормит всех и обогреет,
Заставит трудный день забыть.
И добрым словом успокоит,
Поможет всем по жизни плыть.

Ну что ещё сказать о маме?
Умеет всё: вязать, варить,

Найти часочек для причёски,
Молитвы в Шабес говорить,
Печь пироги и печь картошку,
Принять гостей - хоть целый полк,
День целый провести на ножках
(А в ножках папа знает толк!)...

Что пожелать тебе, родная,
Сегодня, в славный юбилей?
Ещё лет тридцать ты побегай
На радость папы и детей!
Пусть даст Бог крепкого здоровья.
Про бюллетень забудь навек!
Как комиссар сказал когда-то:
"Ведь ты ж - советский человек!".

Пусть будут мир, покой, свобода!
Пусть беды не коснутся вновь!
Пусть будет вечное движенье,
Надежда, вера и любовь!

Борис посвятил маме немало замечательных стихотворений. Вот ещё одно. Его он написал к 75-летию мамы.

К 75-ЛЕТИЮ МАМЫ

АНЧАР

(Почти по Пушкину)

В Натаньи, жаркой и сухой,
На почве, зноем раскалённой-

ОНА, как добрый часовой
Стоит, мишпухой окружённа.

Природа ласковых морей
Ее в день счастья породила.
И красоту ее телес,
И душу – медом напоила.

Спешат к ней все со всех сторон,
Тот мед души испить желая.
Придут, прильнут, - и отойдут,
Добро по миру простирая.

А если туча набежит,
Бедой всю землю накрывая,
То доброта ее летит
Сквозь бури, людям помогая.

И человека человек
Пошлет к ней, недугом страдая.
И излечит его она,
Свои флюиды посылая.

Меня, уж много лет назад,
Она тем медом напоила.
И добротой завет скрепив,
В полет свободный отпустила.

А я тем медом напитал
Свои послушливые стрелы.
И с ними доброту послал
Я детям, в их души пределы.

Хочу, чтоб эта доброта
К тебе сторицей возвращалась.

Хочу, чтоб многие года
Земля вокруг тебя вращалась.

СТИХИ ПОЛИНЫ

К 70-ЛЕТИЮ МАМЫ

ПОГОВОРИ СО МНОЮ, МАМА...

Сегодня вечер необычный.
Седьмой десяток позади.
А жизнь прожита частично.
Ещё так много впереди!

Припев:

Для нас всегда ты будешь мамой,
Моложе всех и красивей,
Любимой самой, мудрой самой
И самой светлой из людей.

Я с детства мамою гордилась,
Послушной дочерью слыла.
А ты с больными всё возилась,
Парторгом клиники была...

Припев:

Поговори со мною, мама,
О чём-нибудь поговори,
До знойной полночи до самой
Мне снова детство подари.

Детей ты редко целовала.
Ты мамой строгою была.
Но если к сердцу прижимала,
Я б целый мир отдать могла.

Припев:

За всю семью ты волноваться
Не перестанешь никогда.
Видать, такую оставаться
Тебе назначено всегда.

Хочу всегда твой голос слышать
И видеть свет в глазах твоих.
Я обращаюсь к тому, кто свыше:
«Храни всегда людей родных!»

Припев:

За юбилей твой светлый, мама,
Хочу я тост провозгласить:
Пусть будет воздано по праву!
Должна ты вечно-вечно жить!

К 70-ЛЕТИЮ ПАПЫ

ГЛАВНЫЙ ДИРИЖЁР

Сегодня папин день рожденья,
И хоть стихов я не пишу,
И слог неважен, без сомненья,-
О папе всё-таки скажу.

Судьба, казалось бы, простая-
Родился в доме мальчуган.
Но был он, сам того не зная,

Особым - дар ему был дан.

Он с детских лет мурлыкал песни,
Потом с гитарой он ходил.
Пришла война - и злой кудесник
Ружьем гитару заменил.

А уж потом был взрослый парень,
Казалось бы - куда тебе?
Уж поздно - поезд твой отправлен,
Другую жизнь ищи себе!

Но нет - ведь это был мой папа -
Он все преграды перевозмог.
Из самоучек в дипломанты
Огромный сделал он скачок.

И вот Донецк - пора расцвета.
В него студентки влюблены.
Звучит со сцены оперетта.
Шахтеры любят всей страны!

А вот опять - Одесса-мама,
Цветёт акаций белый цвет.
Ещё наш папа ходит прямо.
Хотя хватает всяких бед...

И снова - музыка, спектакли.
Он в нотах воплощал мечту.
Сочились гонораров капли,
И снова - карандаш во рту.

Период жизни и немалый
С детьми он накрепко связал.
Про детство и про галстук алый

Он много песен написал.

И с детства музыкой наполнил
И осветил всю жизнь мою.
И с самых первых дней я помню
Улыбку добрую твою.

Хочу улыбку эту видеть
В глазах твоих ещё сто лет.
Неважно, если кто обидит -
Ведь на Земле безгрешных нет!

Мы все не боги - и порою
Услышишь фальшь - расстроен хор.
Но ты ведь рядом - я не скрою,
Что ты - мой Главный Дирижёр!

К 80-ЛЕТИЮ ПАПЫ

ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР

На мелодию песни «Ещё не вечер»

1. Ещё не вечер, ещё не вечер...
Смотри, как молодостью светятся глаза!
Ещё не вечер, ещё не вечер...
Еще по очень многим
Идти тебе дорогам.

Прпев:

Пусть говорят: настало время отдохнуть.
Пусть говорят: былые годы не вернуть.
Только не буду верить я таким словам -
Старости тебя я не отдам.

2. Ещё не вечер, ещё не вечер...
Ещё сегодня не сказали главных слов.

Ещё не вечер, ещё не вечер...
Коль смотрят нежным взглядом
Глаза любимой рядом.

Припев:

3. Ещё не вечер, ещё не вечер,
Тетради нотные не время закрывать.
Ещё не вечер, ещё не вечер,
Ещё споём мы вместе
Припев вот этой песни:

Припев:

МАМЕ И ПАПЕ К ЗОЛОТОЙ СВАДЬБЕ

МЕЛОДИЯ ЛЮБВИ

На мелодию песня «Мелодия»

Ты - его мелодия.
Он - твой преданный Орфей.
Светлую рапсодией
Связаны вы нежностью своей.
Моде дань беспечная
Много тем оставила вдали.
Но рефреном вечности
Звучит мелодия любви.

Жизни куролесица
Всё расставит по местам.
Как зима ни бесится,
Солнце любви так ярко светит вам.
Все законы-правила
Вы рукою властной отмели.
Та весна оставила
Вам в душе мелодию любви.

Золотом увенчаны
Пятьдесят счастливых лет.
Будни скоротечные
Праздников свет и горечь прошлых бед.
Пусть седые волосы
Головы пургою замели.
Пусть же на два голоса
Звучит мелодия любви.

НАПОСЛЕДОК – СНОВА МОИ СТИХИ

МНЕ – 79

Простить меня прошу за каламбур,
Но я старался, верьте, чересчур,
С софы часа четыре не вставал
И всё же эти строки написал.

Остался год до юбилея,
Я потихонечку хирею,
Хотя душой я не старею,
Ведь хором «керувать» ещё умею.
Выходит – я нисколько не жалею,
Что год остался мне до юбилея.

Но вот хамсин когда завееет,
И тело напрочь пропотеет,
И руки, ноги онемеют,
И голова отяжелеет,
И тяжесть на душе посеет –
Тогда уж не до юбилея.

А жить так хочется, не скрою,

Мне вместе со своей семьёю
И рядом с хоровою «мишпахою»
И, конечно, со своей женою.

Я рад, что вы пришли меня поздравить,
Со мной мой день рожденья справить,
Не буду я сейчас лукавить:
Как вы могли себя заставить –
В хамсин, в субботу дом оставить.
Уже об этом не жалею,
Что год ещё до юбилея.

МНЕ – 80

*Куплеты на мелодию «Мои года –
моё богатство»*

Прошёл по жизни путь большой,
Но никогда не сомневался,
Что доживу до даты той –
Мои года – моё богатство.
Я к этой дате шёл тяжело,
Сквозь все невзгоды прорывался,
И я дожил – мне повезло:
Мои года – моё богатство.

Я благодарен судьбе своей,
Что в жизни с Нонкой повстречался,
Всей своей жизнью обязан ей –
Моя жена – моё богатство.

Есть дети, внуки у меня,
Хочу и правнуков дождаться,
И это всё – моя семья –
Моя семья – моё богатство.

Ещё семья есть у меня,
16 лет я с нею в братстве –
Мой хор родной, мои друзья,
Поверьте мне, без вас нельзя.
Друзья мои – моё богатство.

5 лет живу в стране,
Другой страны не нужно мне –
Израиль теперь – моё богатство!

*А это – куплеты, написанные мною также
к моему 80-летию (на мелодию песни
из кинофильма «Дети капитана Гранта»):*

А ну-ка песню нам пропой,
Весёлый ветер, **(3 раза)**
Моря и горы ты обшарил все на свете,
И все на свете песенки слыхал.

Спой нам ветер, как вместе с женою
50 с лишним прожили лет.
Как трудно нам ни было –
Любовь давала силы –
Счастливей нас на свете нет.

Кто привык за счастье бороться,
С нами вместе пускай запоёт:
Кто любит – тот смеётся,
Тот своего добьётся,
И счастье от него не уйдёт.

А ну-ка песню и т.д.

Спой нам, ветер, о дружбе великой,

Что с друзьями полвека несём –
Саввуля, Мишка с Элкой,
Серёжа, Моська с Лилькой –
Дай Бог удачи вам во всём.

Кто привык за дружбу бороться,
С нами вместе пускай запоёт:
Кто верит в дружбу свято –
Отличные ребята,
Тому и в жизни повезёт.

А ну-ка песню и т.д.

Спой нам, ветер, чтоб были здоровы
Те, кто в зале сегодня сидит.
Кто взял как за основу
Бороться за здоровье –
Тот все болезни победит.

Кто привык за жизнь бороться,
Вместе все давайте споём.
Наполним наши чаши,
За жизнь мы выпьем нашу,
Так выпьем и ещё нальём!

И напоследок я хочу привести стихи моего приятеля, литературного редактора этой маленькой книжки (большое спасибо ему) Бориса Брусиловского, посвящённые моему 80-летию:

Знаменит. Тем интересен,
Что он с детства, с давних пор
Сочинил немало песен,
Что его стихия – хор.

С кем он знался? С Богословским,
С Дунаевским Исааком,
Где-то даже с Брусиловским
И с Утёсовым знаком!

Серебристый цвет акаций.
Дюк... Одесса... Всё в былом!
Перемена декораций.
Бокер тов, еврейский дом!

Лидер где? К чему гаданье?
Повезло с маэстро-Львом.
И в красавице Нетанье
Появился хор «Шалом».

Хор «Шалом» - его забота.
Процветает хор «Шалом»!
Филигранная работа.
Яркий творческий подъём!

Речи нет о перегрузе.
Лев – могуч, хоть гривой сед.
Пусть хранит он верность музе
И живёт сто двадцать лет!

Борис Брусиловский

Ну, вот, кажется, всё.

За 16 лет моего пребывания в Израиле я многое в жизни понял – надо выживать. А в мои годы выживание – это прежде всего: здоровье (чтоб не было хуже), посильная работа (это мой хор) и, дай Бог, ещё сидеть за столом и писать моей любимой ручкой (компьютера нет), заточенной под перо «рондо» (помните?), которой уже 30 лет, ещё чего-нибудь, что надумаю.

Это блаженство – сидеть рано утром под пенью птиц за столом, глядеть вдаль на дома, думать, думать и писать, писать.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
Довоенное время	
Коканд	
Харьков. Рогань	
Рыбацкие истории	
Донецк	
Сердца четырёх	
О друзьях-товарищах	
Наши турпоездки	
Израильские эпизоды	
<i>Семейные стихи</i>	
Мои стихи	
Стихи Бориса	
Стихи Полины	
Напоследок – снова мои стихи	
Стихотворение Бориса Брусиловского	